

# ПОЪЗДКА ВЪ ГЛАВНУЮ КВАРТИРУ

ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА ДИБИЧА-ЗАБАЛКАНСКАГО

ВЪ МАРТѢ 1831 ГОДА.

---

(Изъ записокъ прусскаго генерала-отъ-инфантеріи Брандта) (\*).

---

## I.

Впечатлѣніе, произведенное въ Берлинѣ возмущеніемъ въ Варшавѣ. — Графъ Дибичъ. — Политическія сужденія берлинцевъ. — Назначеніе фельдмаршала Гнейзенау главнокомандующимъ четырьмя восточными корпусами. — Посылка Брандта въ главную русскую квартиру.

.... 3-го декабря (н. ст.) 1830 года получено было въ Берлинѣ извѣстіе о возмущеніи въ Варшавѣ. Это событіе произвело, впрочемъ, впечатлѣніе только въ высшихъ кружкахъ; но когда узнали подробности его и когда русскія войска выступили изъ предѣловъ Царства Польскаго, тогда и варшавскія дѣла обратили на себя не меньшее вниманіе, какъ происшествія въ Парижѣ и въ Брюсселѣ. Люди малодушные поддались даже чувству опасенія и уже видѣли общій революціонный взрывъ. Въ Познани думали точно также и стали принимать сообразныя съ такимъ взглядомъ мѣры.

Не порицаю, что были взяты мѣры предосторожности, что изъ Силезіи были вызваны войска, но, по моему убѣжденію, зашли чересъ-чуръ далеко, собравъ асъ ландверы и поставивъ корпуса на военное положеніе. Въ ошибку эту впали потому, что никто изъ прусскихъ начальствующихъ лицъ не занимался серьезно изученіемъ польской исторіи и не старался основательно узнать сущность польскаго

---

(\*) О назначеніи записокъ покойнаго генерала Брандта уже было говорено въ «Военномъ Сборникѣ» при напечатаніи извлеченій изъ нихъ о походѣ Наполеона въ Россію въ 1812 году, въ какомъ походѣ Брандтъ принималъ участіе, сража въ рядахъ французской арміи. Настоящая статья, какъ сказано очевидно, имѣетъ интересъ не только для біографіи графа Дибича, но и вообще для исторіи польскаго восстанія 1830—1831 годовъ. Некоторые факты, раскрытые Брандтомъ, оставались донынѣ отчасти неизвѣстными, отчасти иначе объясненными.

веденія войны. Они удостоверились бы, что, въ большинствѣ случаевъ, достаточно было бы нѣкотораго количества конницы, усиленной привыкшею къ маршамъ пѣхотою, чтобы держать въ порядкѣ цѣлыя уѣзды, ибо масса польскаго народа рѣдко заявляетъ себя готовою увлекаться подобнаго рода затѣями, и что возмущенія устраниваются лишь немощными честолюбцами и недовольными. Въ провинціи тѣмъ менѣе можно было опасаться смутъ, что крестьяне всѣ были на сторонѣ правительства и знали очень хорошо, что только дворянство да шляхта усердно стараются извлекать свою пользу изъ неурядицъ.

Собственно для меня событія въ Царствѣ Польскомъ должны были имѣть особое значеніе. 3-го декабря, я сидѣлъ спокойно дома, когда, въ семь часовъ вечера, явился ко мнѣ ординарецъ генерала Вицкебена и вручилъ мнѣ пакетъ и письмо отъ него. «Потрудитесь», писалъ мнѣ генералъ, «перевести и извлечь изъ прилагаемаго и доставить мнѣ по-возможности скорѣе». Это были новѣйшія польскія газеты, чрезвычайныя къ нимъ прибавленія, афиши, извѣстія о возстаніи и тому подобное. Я тотчасъ же сѣлъ за работу, копчилъ ее около полуполночи и самъ отнесъ къ генералу, котораго засталъ за письменнымъ столомъ, погруженнаго въ густыя облака табачнаго дыма. Весьма довольный моею точностію, онъ внимательно прочиталъ всю работу и сказалъ мнѣ: «Вы вполне угадали мое желаніе; продолжайте въ такомъ же смыслѣ, то есть отдѣляйте существенное отъ неважнаго и тѣмъ уясняйте первое». Записки мои продолжались непрерывно въ теченіе декабря, января и февраля, и я долженъ признать, что, когда ко мнѣ стали поступать брошюры (напримѣръ, «Святая Недѣля») и безпрестанно возникавшія мелкія газеты — ихъ всегда приносили вечеромъ — то я часто имѣлъ для сна лишь весьма немногіе часы. Но меня удивило, что и генералъ Вицкебенъ дѣлалъ то же самое: отъ ординарцевъ его я узналъ, что, при полученіи моихъ переводовъ и извлеченій, часто въ два часа по-полночи, онъ все еще сидѣлъ за работою.

Польское возстаніе принимало между тѣмъ такіе размѣры, которые заставляли опасаться всего худшаго. Мало по малу поставлены были на военное положеніе многіе прусскіе корпуса, такъ что, въ случаѣ надобности, правительство могло располагать стотысячною арміей. При созваніи ландверовъ произошли кое-гдѣ безпорядки, но въ публикѣ мало знали о томъ. Всѣ помышляли о войнѣ и значительное число отставныхъ офицеровъ подали просьбы о зачисленіи ихъ на службу.

Лагери французовъ при Лилѣ, Мецѣ и Страсбургѣ хотя и впускали опасенія, однако объясненія Лафайета и Сульта въ палатахъ подѣйствовали успокоительно. При всемъ томъ, Пруссія вооружалась. Никто не могъ предвидѣть, до чего дойдутъ дѣла. Энергія, проявленная поляками, и непадежность положенія Франціи постоянно требовали предосторожности. Графъ Дибичъ совѣтовалъ принять рѣшительныя мѣры; ему очень хотѣлось вовлечь Пруссію въ войну (\*). Того же желала и та партія въ Берлинѣ, къ которой принадлежали прицы крови; но король, поддерживаемый совѣтами генерала Винцелеба, по соглашался на такую крайность.

Памятный вечеръ провелъ я, въ эту пору, въ домѣ подполковника Гонтара, хорошо извѣстной тогда въ Берлинѣ личности. Я встрѣчался съ этимъ пожилымъ господиномъ на улицѣ и онъ объявлялъ мнѣ, что фельдмаршалъ Дибичъ, близкій родственникъ его жены, будетъ сегодня пять у него чай передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, куда его вызвали для припятія главнаго начальства надъ русскою арміею. Весьма ко мнѣ расположенный, подполковникъ Гонтаръ, конечно изъ вѣжливости, пригласилъ меня къ себѣ. Я, съ

(\*) Графъ Дибичъ находился тогда въ Берлинѣ, куда былъ посланъ вскорѣ послѣ июльскаго переворота во Францію для переговоровъ, на случай ожидавшейся тогда общей европейской войны.

Выраженіе Брандта, будто «Дибичу очень (?) хотѣлось вовлечь Пруссію въ войну» (съ Франціей) несогласно съ историческою правдою. По точному смыслу Священнаго Союза, тогда еще не отмененнаго, державы, подписавши этотъ актъ, обязывались общими силами подавлять всякое революціонное движеніе въ Европѣ, что не могло не быть извѣстно Брандту. Дибичъ былъ присланъ въ Берлинъ только для сообщенія мыслей императора Николая Павловича о тогдашнихъ грозныхъ событіяхъ, и можно сказать утвердительно, зналъ характеръ и образъ мыслей графа Забалканскаго, что онъ былъ далекъ отъ мысли втягивать Россію въ европейскую войну. Графиня А. Д. Влудова, находившаяся тогда въ Берлинѣ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Восать съ Франціей за ея внутренніе дѣла было невозможно, и только когда увидѣли, что возгласы журналовъ, призывающихъ къ общему возмущенію въ Европѣ, начали осуществляться въ дѣйствіяхъ самаго правительства французскаго, государю показалось своевременнымъ, если не войною, то, по крайней мѣрѣ, угрозою, поддержанною военнымъ движеніемъ, поставить преграду завоевательному духу Франціи. Въ Берлинѣ было много людей благоразумно сдержанныхъ, которые чувствовали, что раны Пруссіи еще не залечились, и что не пришло время расправлять ихъ опрометчивыми дѣйствіями. Между послѣдними былъ и самъ король. Но сначала было тоже много людей, сочувствовавшихъ русскимъ предложеніямъ. Воспоминанія были живы о бѣдствіяхъ и побѣдахъ Пруссіи. Еще не перевелось то поколѣніе, которое всю душу свою положило въ борьбѣ съ Франціей. Особенно военные люди тревожно смотрѣли на происшествія и помышляли о необходимости предупредить нападеніе старыхъ враговъ». См. Записки А. Д. Влудовой въ «Русскомъ Архивѣ» №№ 7 и 8 за текущій годъ, стр. 1261—1262.

Т.

своей стороны, не заставилъ упрямить себя, но съ благодарностію припалъ приглашеніе. Ровно въ восемь часовъ прибылъ я въ квартиру Гоптара, гдѣ собралось небольшое общество, въ томъ числѣ нѣсколько пожилыхъ дамъ, родныхъ и знакомыхъ фельдмаршала. Въ началѣ десятого часа пріѣхалъ и самъ графъ Дибичъ, въ простомъ мундирѣ, украшенномъ только орденскими знаками св. Георгія Побѣдоносца и Чернаго Ордена первой степени — малорослый, круглолицый, пріятливый человѣкъ, въ лицѣ котораго не было ничего ни особенно умиаго, ни особенно привлекательнаго. Опъ тотчасъ же подсялъ къ пожилымъ дамамъ, началъ, какъ выражаются англичане, *miscellaneous conversation* (\*) и со всеусердіемъ продолжалъ бесѣду. Послѣ кратковременнаго перерыва, одна дама сказала ему:

— «Вы скоро оставите насъ, графъ, чтобы пожать новые лавры въ Польшѣ?»

— «Ахъ», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «вы насмѣиваете мнѣ о грустномъ дѣлѣ: война съ подданными, хотя бы и съ мятежными, всегда имѣетъ печальную сторону, и кто поручится мнѣ за побѣду. Конечно, всѣ вѣроятности успѣха принадлежать намъ, но счастье коварная богиня — и какъ легко можетъ оно оставить меня!»

— «Кто умѣетъ приковывать побѣду къ своимъ знаменамъ такъ, какъ вы, графъ, тому нечего бояться коварной богини», возразила остроумная собесѣдница.

— «Однакожъ, сударыня», прибавилъ фельдмаршалъ, «силы судьбы до крайности прихотливы, и кто знаетъ, какая бездна можетъ раскрыться между сегодня и завтра».

Дибичъ перешелъ потомъ къ другому предмету и черезъ часъ распростился съ обществомъ.

Впослѣдствіи я часто вспоминалъ этотъ разговоръ и особенно живо въ мартѣ 1831 года, когда я вновь свидѣлся съ фельдмаршаломъ подъ Варшавою.

Въ домѣ русскаго посланника графа Алопеуса собирались каждый вечеръ приверженцы русскаго правительства, которыхъ было не мало. Отсюда не только распространялись всѣ извѣстія, но и получали тамъ тотъ цвѣтъ, въ которомъ желали видѣть ихъ распространеніе — весьма обыкновенная въ то время тактика, и при тогдашнихъ плохихъ телеграфическихъ средствахъ и медленныхъ сообщеніяхъ, выгодная для тѣхъ, которые умѣли ею пользоваться. Тѣмъ не менше русская партія утрачивала постепенно свое вліяніе. Это было замѣтно даже въ арміи, особенно въ генеральномъ штабѣ, и русскій посланникъ

(\*) Разговоръ о разныхъ предметахъ.

громко вазывалъ подполковника Виллизена главнымъ представителемъ анти-русскаго элемента.

Хотя, судя по положенію дѣлъ, войны и не предвидѣлось, однако въ умахъ все-таки оставалось броженіе. Много говорили объ операціонномъ планѣ русскихъ противъ французовъ, найденомъ будто бы въ варшавскомъ бельведерѣ; выраженіе «*écraser les rebelles et puis passer le Rhin*» («разгромить мятежниковъ и потомъ перейти Рейнъ») сдѣлалось скоро лозунгомъ партіи войны, пашедшемъ отзывъ во многихъ одинаково-мыслившихъ. Къ счастью, энергія генерала Виццебена сумѣла придать надлежащій вѣсъ мнѣніямъ короля, рѣшительнаго сторонника мира. Впрочемъ, все было приготовлено на случай войны: кавалерійскіе полки доведены до состава въ 700 человекъ, батареи получили лошадей; по правительству избѣгало всякаго рода вызова, желаемого войнлюбивою партіей.

Въ послѣднихъ числахъ января и въ два первые дня февраля 1831 года, стужа въ Берлинѣ достигала до 16 градусовъ. 3-го февраля былъ сѣздъ во дворцѣ по случаю дня рожденія принца Карла. Какъ мнѣ рассказывали, большой «завтракъ-обѣдъ» (*dejeuner diplomatique*) прошелъ не особенно весело. Вечеромъ получена была прокламація, обнародованная фельдмаршаломъ Дибичемъ предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Многочисленные друзья, которыхъ онъ имѣлъ въ Берлинѣ, сопровождали пачатыя имъ 5-го числа (п. ст.) операціи наилучшими пожеланіями. Нѣкоторые же, болѣе дальновидные, офицеры, не пророчили Дибичу большихъ успѣховъ, если погода, превратившаяся въ Берлинѣ, 4-го февраля, въ полную оттепель, застанетъ его въ болотахъ Нарева.—«Посмотрите», сказалъ мнѣ, нѣсколькими днями позже, генералъ Рюле-фонъ Липпенштерцъ, «толстякъ Дибичъ завязнетъ между Бугомъ и Наревомъ, и горе ему, если онъ уже тамъ!...» Къ сожалѣнію, такъ и случилось, и мнѣ самому скоро пришлось быть свидѣтелемъ одной части этой катастрофы.

Было бы въ высшей степени интересно изобразить положеніе дѣлъ въ Берлинѣ и господствовавшія здѣсь противорѣчивыя мнѣнія и сужденія; но воспроизвести все это объективно до крайности трудно. Часть берлинцевъ основывала свои сужденія на толкахъ въ казино; весьма многіе подчинялись приговорамъ биржи, и она-то, подъ конецъ, имѣла наибольшее вліяніе. Въпослѣдствіи я слышалъ, что значительная часть богатства главныхъ банкирскихъ и торговыхъ домовъ Берлина началась съ этого времени; мнѣ пояснили еще, что если бы катастрофа продолжилась подольше, то Берлинъ сдѣлался бы

однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ (\*). Торговля сдѣлалась, увеличившаяся здѣсь еще въ русско-турецкую войну 1828—1829 годовъ, получила теперь несравненно большее развитіе. Я лично зналъ одного банкира, который въ 1831 году легко нажилъ миліоны, но также легко и спустил ихъ.

Менѣе выгодныя дѣла достались, въ польскую смуту, па долю прусскаго государственнаго казначейства. Рассказывали, что уже въ мартѣ мѣсяцѣ оно израсходовало тринадцать миліоновъ талеровъ, хотя со стороны Пруссіи не раздалось еще ни одного выстрѣла. Эта сумма равнялась почти половинѣ тѣхъ денегъ, которыхъ стоила Фридриху II, среднимъ числомъ, цѣлая кампанія, и почти одной трети издержекъ въ 1815 году.

Въ февралѣ 1831 года господствовало, впрочемъ, общее мнѣніе, что война неизбежна. Я слышалъ, какъ даже самъ Гумбольдтъ отзывался, что едва-ли можно надѣяться на сохраненіе мира, а Гумбольдтъ почерпалъ свѣдѣнія изъ вѣрнаго источника. Поводомъ къ такому взгляду на дѣла послужили, вѣроятно, неистовства парижанъ по случаю срытія церкви св. Роха и разграбленіе архіепископскаго дворца (15-го февраля), также извѣстія о битвѣ при Гроховѣ (25-го (13) февраля) и смуты въ Швейцаріи.

Увѣренность, что русскіе скоро усмирятъ возстаніе поляковъ, ослабѣвала съ каждымъ днемъ. Если при началѣ войны слышалось только: «les Russes marchent à la victoire, les Polonais en tombent» («русскіе идутъ къ побѣдѣ, поляки къ могилѣ»), то теперь предсказанія о предстоящей побѣдѣ болѣе и болѣе затихали. Въ «Militär-Wochenblatt» Виллизепъ помѣстилъ нѣсколько статей, въ которыхъ старался доказать, что съ точки зрѣнія стратегической русскіе очень дурно начали дѣло. Статьи и отзывы Виллизепа произвели сильное впечатлѣніе; но между тѣмъ какъ многіе молодые офицеры презносили его до небесъ, съ другой стороны онъ подвергался жестокимъ нападкамъ. Объ одной изъ подобныхъ статей ходили страшныя слухи. Рассказывали, будто цензура запретила печатаніе ея и будто Виллизепъ обратился къ королю, который самъ прочиталъ рукопись, кое-что измѣнилъ въ ней собственноручно, и затѣмъ разрѣшилъ печатать. Предъ такимъ авторитетомъ хотя и умолкли многіе голоса, но принцы и нѣкоторые дипломаты серьезно гнѣвались на автора и давали ему попятъ свое неудовольствіе. Особенно въ отелѣ

(\*) Во время войны Россіи съ западными державами, когда всѣ заграничныя товары шли къ намъ черезъ Пруссію, было то же самое. Въ Пруссіи остались многіе и многіе миліоны русскихъ рублей. Т.

русскаго посольства господствовало большое противъ него раздраженіе (\*).

6-го марта, часовъ въ десять утра, фельдмаршалъ Гнейзенау призывалъ меня къ себѣ. Я засталъ его разсматривающимъ карты.

— «Король», сказывалъ онъ безъ всякаго предисловія, «возложилъ на меня главное начальство надъ четырьмя восточными армейскими корпусами, первымъ, вторымъ, пятымъ и шестымъ, и я желаю, чтобы вы поступили въ мой главный штабъ. Вы сегодня же получите о томъ извѣщеніе отъ вашего начальства. Распорядитесь такъ, чтобы 8-го числа быть въ Познани, и явитесь тамъ къ генералу Клаузевицу, который будетъ начальникомъ моего штаба. До свиданія! Счастливаго пути!»

Безотлагательно приготовился я къ отъѣзду, устроивъ все по походному, запасся картами, книгами и т. д., откланялся своимъ начальникамъ, простился съ друзьями, и 8-го марта былъ въ Познани. Здѣсь нашелъ я майора 24-го полка Хлебуса, назначеннаго первымъ адъютантомъ фельдмаршала, майора генеральнаго штаба Эцеля и трехъ фельдгегерей; потомъ пріѣхалъ еще третій офицеръ генеральнаго штаба, майоръ Пирхъ. Генералъ Клаузевицъ прибылъ 9 го, а вслѣдъ за нимъ и фельдмаршалъ со своимъ сыномъ, исправлявшимъ должность второго адъютанта, такъ что главная квартира состояла изъ десяти человѣкъ.

Познанъ нашли мы въ удивительномъ состояніи. Постройка крѣпости, начатая въ 1829 году, мало подвинулась впередъ; одна только цитадель была почти окончена вчернѣ. Чтобы соединить то, что имѣлось, съ городомъ, набросали на артилерійской площади родъ верка, который привелъ меня въ величайшее изумленіе. Когда я намекнулъ объ этомъ мѣстному инженеру и строителю крѣпости Притвицу, онъ отвѣчалъ, что довольно говорилъ и писалъ по этому дѣлу, но что ему предписано строго исполнять приказанія высшаго начальства. Уже долгое время спустя, эта насмѣшка надъ фортификаціей — не знаю какъ и назвать ее—была устраниена подъ предлогомъ очистить мѣста для смотровъ войскъ на артилерійскомъ плацу.

Утромъ 10-го марта, фельдмаршалъ Гнейзенау сказалъ мнѣ:

— «Распорядитесь такъ, чтобы сегодня же отправиться въ глав-

(\*) Виллизенъ, такой же, если не болѣе, теретикъ, какъ и Клаузевицъ, былъ въ то время офицеромъ генеральнаго штаба. Онъ извѣстенъ своею «*Theorie der Kriege*» (Theoria des grossen Krieges) и тѣмъ, что, принявъ въ 1850 году начальство надъ шлезвигъ-голштинскими войсками, очень неудачно применилъ свои теоретическія правила къ боевой практикѣ и поспѣшилъ удалиться въ частную жизнь.

ную русскую квартиру. Я дамъ вамъ письмо къ фельдмаршалу Дибичу. Гдѣ теперь его главная квартира—не знаю; вы должны отыскать ее. Но не попадитесь въ руки мятежниковъ; это было бы мнѣ очень непріятно. Остальное сообщитъ вамъ генералъ Клаузевицъ».

Но отъ Клаузевица я не узналъ ничего. Опъ вручилъ мнѣ только открытый листъ для проѣзда въ главную русскую квартиру, далъ денегъ на расходы и съ тѣмъ отпустилъ меня. Обѣдавъ, по обыкновенію, за фельдмаршальскимъ столомъ, я отклапаясь въ четыре часа, а въ шесть часовъ по полудни пустился въ путь, признаюсь не безъ тревожнаго чувства.

Изъ Берлина выѣхалъ я при яркомъ сіяніи солнца и въ такую теплую погоду, что никто не носилъ верхняго платья; по уже въ Познани было чувствительно холоднѣе, и когда я отправился отсюда, небольшія лужи покрылись ледяною корой. Въ Торунѣ я хотѣлъ получить свѣдѣнія о занятіи польскими войсками границы, но никакъ не могъ мнѣ сказать чего-либо положительнаго—обстоятельство, безъ сомнѣнія, прискорбное, происходившее отъ того, что ни у кого изъ печальствующихъ лицъ не было суммъ на плату лазутчикамъ, вообще на устройство развѣдочной части. И такъ, я принужденъ былъ ѣхать на-авось. Я сталъ пробираться вдоль границы, но только въ Страсбургѣ узналъ, что она заперта, и что мнѣ, вѣроятно, предстоитъ проѣхать еще нѣсколько миль, чтобы имѣть возможность продолжать путешествіе съ нѣкоторою безопасностію. Хотя по опыту прежнихъ походовъ я убѣдился, какъ много и какъ мало значатъ подобныя свѣдѣнія, однако нельзя было не заключить изъ нихъ, что русскіе тщетно пытались открыть сообщеніе съ этой стороны. Въ окрестностяхъ Лаутенбурга снѣгъ лежалъ такъ глубоко, что я пашей вынужденнымъ поставилъ мою коляску на полозья, и затѣмъ чрезъ Сольдау, Ийденбургъ, Вилленбергъ и чрезъ Югансбургскую пустошь направился къ Лыку. Было чувствительно холодно; дороги оказались отирательными, и несмотря на то, что въ Лыкѣ я пріѣхалъ при болѣе легкой погодѣ, снѣгъ и грязь все еще оспаривали первенство другъ у друга, особенно въ городѣ и въ деревняхъ. Съ пашей, прусской, стороны, граница до Лыка была занята очень исправно. Солдаты были народъ опытный, пѣхота хорошо одѣта, кавалерія на отличныхъ коняхъ. Войска линейныя и ландверъ не представляли, въ этомъ отношеніи, никакой разницы. Но почамъ меня перѣдко останавливали и я долженъ былъ лично являться къ (фигу) командовавшему постомъ, чтобы получить позволеніе ѣхать далѣе. Въ Лыкѣ, не столько отъ военныхъ, сколько отъ почтовыхъ

чиновниковъ, собралъ я удовлетворительныя свѣдѣнія. Сообщенія шли неладно. Правда, на почты еще не нападали, но курьеровъ останавливали. Я долго колебался, не брать-ли ли мнѣ съ почтою, въ видѣ пассажира; но тогда мнѣ надлежало бы отказаться отъ моего офиціальнаго положенія. И такъ, я рѣшился продолжать путь въ своемъ экипажѣ, зарядилъ пистолеты, тщательно запряталъ письмо къ фельдмаршалу Дибичу и пустился далѣе.

## II.

Прибытіе въ Сянцзю. — Представленіе селѣдмаршалу графу Дибичу-Забалъскому. — Обѣда у него. — Лагерьная жизнь въ Сянцзю. — Замѣтки о русскихъ войскахъ. — Разныя приключенія и наблюденія.

До Щучина путешествіе мое продолжалось благополучно. Русскихъ войскъ я нигдѣ не видалъ; слѣдовъ войны и смутъ не замѣтилъ; но предъ самымъ Щучинымъ сцена измѣнилась: лица обывателей казались угрюмѣе, проѣзжіе поддавались невольному чувству страха; словомъ, было очевидно, что надъ всѣми тяготѣетъ что то нехорошее. Дѣло обьяснилось въ городѣ. Въ ночь передъ моимъ пріѣздомъ мятежники захватили и увезли курьера, несмотря на присутствіе баталіона русскихъ войскъ. Вмѣсто того, чтобы занять достаточными силами почтовую станицю, лежавшую возлѣ самаго города, поддерживать съ нею сообщеніе патрулями и тщательно патрулировать опушку небольшого лѣса, примыкавшаго къ станицѣ шаговъ на тысячу или тысячи на полторы, русскіе укрѣпились въ городѣ и не могли воспрепятствовать нападенію мятежниковъ на курьера. Это мнѣ рассказывалъ, со всѣми подробностями, самъ почтмейстеръ Браунъ и жаловался на русскаго офицера, который только на другой день утромъ проявилъ признаки дѣятельности.

Въ Щучинѣ мнѣ дали расторопнаго молодого ямщика, который пристально всматривался въ меня, когда я садился въ экипажъ. Такъ какъ я говорилъ по-польски и имѣлъ на мундирномъ сюртукѣ малиноваго цвѣта воротничъ, то онъ вообразилъ, что я польскій офицеръ, и, отъѣхавъ съ мною, спросилъ меня: — «Вы изъ нашихъ, пане?» Я кивнулъ ему головою, но вмѣстѣ съ тѣмъ приложилъ палецъ къ губамъ, послѣ чего парежь такъ погналъ лошадей, что я ежеминутно ожидалъ разбиться въдребезги. Быстро домчались мы до Ставишекъ, гдѣ мой почтарь заботливо передалъ меня повому автомедову, чему, конечно, немало содѣйствовалъ рубль серебромъ на водку. На половинѣ дороги въ Ломжѣ, я замѣтилъ за однимъ холмомъ, слѣва въ сторону, нѣсколько удавшихся пикъ.

— «Это наши!» сказалъ мнѣ почтарь и уже хотѣлъ затрубить въ рожокъ. Съ величайшимъ трудомъ отговорилъ я его отъ такой выходки, а самъ приготовился къ оборонѣ; но когда всадники поднялись на возвышенность, гдѣ я могъ разглядѣть ихъ лучше, оказалось, что это были казаки, въ чемъ убѣдился и почтарь. — «Нѣтъ, это не наши, а москали!» проговорилъ онъ. Тяжелый камень свалился съ моего сердца, ибо мнѣ нimalo не было бы пріятно быть отвезеннымъ въ Варшаву, мѣстопробываніе революціоннаго правительства.

Ломжа была сильно занята русскими войсками. Я отправился къ коменданту, предъявилъ ему свой открытый листъ и просилъ его сказать, гдѣ главная квартира графа Дибича, равно дать мнѣ средства и совѣтъ, какъ туда проѣхать. Сначала комендантъ не хотѣлъ выпускать меня изъ Ломжи, но потомъ одумался и далъ мнѣ въ прикрытіе полсотни казаковъ, съ которыми я подъ-вечеръ и пустился въ дальнѣйшій путь; казакамъ, повидимому, не очень-то любо было конвоировать меня; всѣ они двигались кучей впереди, не составили даже авангарда, и я спокойно слѣдовалъ за ними. Проѣхавъ такимъ образомъ часть ночи, замѣтилъ я на небѣ красноватый отблескъ, похожій на зарево. Казаки не могли мнѣ объяснить, что это такое; но чѣмъ болѣе мы приближались къ зареву, тѣмъ отчетливѣе можно было распознать, что это зарево не отъ пожара, а отъ множества низко горѣвшихъ огней. Потомъ мы увидѣли, что небольшіе отдѣльные огни горѣли вокругъ большого огня, и потому можно было заключить о присутствіи расположенныхъ лагеремъ войскъ. Такъ и оказалось. Здѣсь стояла кавалерійская бригада, имѣвшая порученіе собирать съѣстные припасы и захватывать партизановъ. Въ лагерѣ меня приняли радушно и напоили чаемъ, подавнымъ въ серебряномъ сервизѣ; да и вообще вся обстановка добраго генерала являла вовсе непоходную роскошь. Въ конной я получилъ полускадропъ улановъ, начальникъ котораго, курляндецъ, свѣтскій, образованный человѣкъ, разсказалъ мнѣ, что онъ прежде служилъ въ полку, расположенномъ въ Литвѣ, по что многихъ офицеровъ перевели оттуда въ другіе полки.

Ночь была тихая и холодная; полузамерзшая дорога еще не укрѣпилась; вездѣ стояли большія лужи, которыя тянулись часто на многія сотни шаговъ и вода которыхъ нерѣдко заливалась въ коляску. Всѣ онѣ были подернуты топкою ледяною корою. Къ утру достигли мы одного мѣстечка, буквально лежавшаго въ болотѣ. Лошади увязали по-брюхо въ грязь. Надлежало позаботиться о проводникѣ. Под-

хватили, наконецъ, бѣднаго жидка, въ длиннополомъ кафтанѣ, въ рысей шапкѣ и въ туфляхъ, и тотчасъ же двинулись въ путь. Туловище жидка обвязали длинною веревкою, которую улапъ взялъ за другой конецъ для того, чтобы израиль не далъ стрелка «до ласу»; по, по временамъ, улапъ опускалъ веревку и направлялъ лошадей такъ, что она ступала на веревку, и тогда жидокъ, торопливо шагавшій, шлепался всею своею персоною въ воду, что возбуждало громкій смѣхъ между солдатами. Надобно знать, что въ это время солдаты были въ сильнѣйшей степени раздражены противъ поляковъ и жидовъ, и офицеръ полагалъ возможнымъ доставить своей командѣ «невинное» удовольствіе. Спустя часъ, мы добрались до шиня; я приказалъ остановиться, угостилъ улановъ водкою, но попросилъ ихъ освободить злополучнаго проводника. Отпущенный еврей не впадалъ какъ благодарить меня: его шапка, его пейсы и весь онъ были мокры до-нельзя; туфли же свои онъ держалъ въ рукахъ.

Поздно вечеромъ достигли мы Брока, на Бугѣ. Здѣсь стоялъ отрядъ піонеровъ, заѣздивавшихъ переправу. Но сильный ледоходъ дѣлалъ переправу весьма затруднительною: отъ предшествовавшей оттепели рѣка выступила изъ береговъ и лѣвый берегъ ея представлялъ обширное озеро, такъ что офицеръ не рѣшался перевозить меня. Къ счастью, нѣсколько польскихъ судовщиковъ вызвались переправиться со мною за порядочное вознагражденіе; они разобрали мой экипажъ на части, уложили ихъ въ двѣ небольшія лодки, а я помѣстился въ третьей, еще меньшаго размѣра, съ двумя гребцами. Переправа, хотя не безопасная и продолжительная, кончилась благополучно. На другомъ берегу, на небольшой возвышенности, находился кавалерійскій пиветъ съ отдѣленіемъ піонеровъ; люди помѣщались въ сараѣ, гдѣ хранились паромы и стояло много лошадей для кавалеріи.

Отсюда я поѣхалъ въ Венгровъ безъ конвоя. Хотя я самъ былъ уроженецъ этой мѣстности, извѣстной своими скверными дорогами, однако въ жизнь мою я никогда не видывалъ подобныхъ дорогъ: онѣ, въ буквальный смыслъ, были недоступны, и вдобавокъ, незадолго передъ тѣмъ здѣсь проходила, въ дождливую погоду, русская армія. Всѣ ручьи и рѣки разлились; повсюду образовались огромныя лужи; я еле-еле плелся шагомъ и четверка добрыхъ коней едва тащила мою легкую коляску. Въ Венгровѣ я нашелъ нѣсколько батальоновъ русскихъ войскъ, охранявшихъ учрежденные здѣсь магазины и лазареты. Генералъ, исправлявшій должность коменданта, принялъ меня весьма ласково и позволилъ мнѣ осмотрѣть и тѣ, и другіе.

Магазины были обильно снабжены мукою; лазареты содержались опрятно, несмотря на то, что отъ арміи не было ни одного интендантскаго чиновника, а распоряжались сами медики со своими фельдшерами. Больныхъ было нѣсколько сотъ человѣкъ, и всѣ они, благодаря дѣятельности коменданта, имѣли не только удобное, но, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, даже хорошее помѣщеніе. Вообще, во всемъ Венгровѣ господствовали порядокъ и спокойствіе; въ сѣстныхъ припасахъ было изобиліе; въ трактирахъ, несмотря на ихъ невзрачную паружность, имѣлось много предметовъ роскоши.

Дорога до Лива была дурна выше всякаго описанія. Гренадеръ, котораго заботливый комендантъ далъ мнѣ для прислуживанія, припужденъ былъ слѣзать неоднократно, чтобы помогать спящему ямщику вытаскивать коляску изъ выбоинъ. Собственно дороги какъ бы не существовало: мы плыли по морю грязи; люди и лошади уже изнурились до того, что нужно было дать имъ нѣсколько часовъ отдыха. Въ Ливѣ я вошелъ на колокольню, желая ознакомиться нѣсколько съ мѣстностію. Ливецъ разлился широко; я не видалъ ничего, кромѣ торчавшихъ изъ-подъ воды деревьевъ, да кое-гдѣ разбросанныхъ селеній.

Часу въ пятomъ выѣхалъ я изъ Лива и очень поодино, уже послѣ полуночи, добрался до Калущина. Двигаясь я, что по дорогѣ мнѣ попадалось лишь весьма малое число войскъ — изрѣдка нѣсколько казаковъ; самый Калущинъ былъ занятъ слабо, хотя здѣсь находились лазареты и магазины. Курьерская служба повсюду была организована превосходно; по никто не спрашивалъ ни паспорта, ни имени. Заплатить прогоннымъ деньгамъ и дать хорошую на-водку было главнымъ дѣломъ, и я твердо убѣжденъ, что польскіе офицеры получили бы лошадей такъ же безпрепятственно, какъ и русскіе (\*). Относительно безопасности всѣ полагались на аванпосты подъ Прагою.

Воспользовавшись кратковременнымъ моимъ здѣсь пребываніемъ, я взглянулъ въ лазаретъ. Тамъ не было ни часового, ни смотрителя. Я вошелъ никѣмъ не замѣченный. Нѣсколько фельдшеровъ отдыхали, одѣтые, на скамейкахъ; одинъ спалъ на стулѣ, и никто не обратилъ на меня вниманія. Впрочемъ, во всемъ господствовалъ порядокъ. Больные лежали на соломенныхъ тюфякахъ или просто на соломѣ, сдерживаемой досками; между каждыми двумя кроватями было по простому некрашеному столу; на каждахъ двухъ столахъ стояло по сальной свѣчкѣ, воткнутой въ глиняный подсвѣчникъ. Нѣко-

(\*) Выше авторъ сказалъ, что русскіе были жестоко раздражены противъ поляковъ. Тамъ статочнос-ли дѣло, чтобы польскіе офицеры могли безопасно хозяйничать въ занятой русскими войсками мѣстности?... Т.

которые солдаты пѣшли одѣяло, другіе были накрыты шпеллями. Передъ дверьми висѣли толстаго сукна занавѣси, для предохраненія отъ сквозного вѣтра. Кое-гдѣ видѣлись высокіе, поярковые сапоги, вѣроятно для людей, которые могли ходить въ ретирадныя мѣста. Повторяю: вездѣ обнаруживался духъ порядка и заботливости. Только температура въ лазаретѣ показалась мнѣ слишкомъ высокою, но, быть можетъ, потому, что я вошелъ продрогшій отъ холода.

Пройхавъ, затѣмъ, остатокъ ночи, я достигъ окрестностей Цеглова, гдѣ пересѣкъ большую дорогу изъ Бреста-Литовскаго въ Варшаву, и, мпповавъ небольшой пѣхотный лагерь, прибылъ около полуночи въ Сѣппицу. Здѣсь была главная квартира фельдмаршала Дибича.

Въ продолженіе всего моего пути меня изумляла проявлявшаяся повсюду безпечность: нигдѣ не было и слѣдовъ строгой аванпостной службы. Первые аванпосты встрѣтилъ я у деревни Погоржель, и именно казачьи, гдѣ мнѣ объявили, что я долженъ остаться до утра, такъ какъ ночью запрещено было пропускать кого-либо. Я вышелъ изъ коляски переговаривать съ ведетами, но добился только того, что казаки позвали офицера, командовавшаго постомъ. Заглянувъ въ мою коляску, нѣтъ-ли тамъ еще кого-нибудь, офицеръ далъ мнѣ двухъ бородатыхъ казаковъ, которые сопровождали меня до Сѣппицы, куда я достигъ шагомъ по мразѣйшей дорогѣ.

Въ самой Сѣппицѣ грязь была еще ужаснѣе, почти невылазная. Добравшись до небольшой площадки у церкви, я пошелъ здѣсь караулъ изъ тридцати гренадеровъ, которые, расположась вокругъ пылавшаго костра, варили и жарили. На мой вопросъ: гдѣ живетъ фельдмаршалъ? мнѣ показали небольшой, очень непримѣтный домикъ, передъ которымъ стояли на часахъ два гренадера. Освѣдомившись о караульномъ офицерѣ, я узналъ, что такового нѣтъ, а унтеръ-офицеръ, командовавшій карауломъ, сказалъ мнѣ, что по почамъ фельдмаршалъ нѣкогда не приходитъ и что будить его пельзя. На желаніе мое видѣть дежурнаго офицера, мнѣ отвѣчали, что онъ живетъ на другомъ концѣ мѣстечка. Я спросилъ о прусскомъ полковникѣ, состоявшемъ при главной квартирѣ. Новая бѣда! Никто не зналъ его и не слыхалъ о немъ. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ толковъ, одинъ изъ гренадеровъ, собравшихся вокругъ меня, вспомнилъ, что иностранные офицеры живутъ дальше, и, по моей просьбѣ, согласился проводить меня. Шли мы добрую четверть часа, кое-какъ пробираясь, въ темнѣйшую почъ, по морю грязи, нѣсколько разъ останавливались и тщетно спрашивали объ иностранныхъ офицерахъ. Вотъ, наконецъ, мы предъ домикомъ, въ которомъ нигдѣ не было

видно огня; со двора доносились русскіе звуки, но оказалось, что мы попали въ пристань: ординарцы объявили, что тутъ живутъ нѣмецкіе офицеры и что они спятъ. Нечего прибавлять, что это не удержало меня войти въ комнату, гдѣ я былъ встрѣченъ возгласомъ: «кто здѣсь?» Я назвалъ себя по имени, и вслѣдъ затѣмъ послышалось радостное привѣтствіе прусскаго полковника Каница: «ахъ, Брандтъ, это вы!» Когда принесли свѣчи, я увидѣлъ себя въ довольно просторной комнатѣ, къ которой примыкала другая, поменьше. Въ этой каморкѣ спалъ полковникъ Каницъ на чемъ-то похожемъ на кровать, а въ большой комнатѣ покоились на соломѣ, разостланной по полу, австрійскій инженерный полковникъ и пѣхотный капитанъ Юзефовичъ.

Начались распросы о событіяхъ въ Европѣ, потому что, по словамъ полковника Каница, они уже три недѣли не получали рѣшительно никакихъ извѣстій.

Утромъ, послѣ того, какъ Каницъ написалъ полковнику Чевкипу, адъютанту фельдмаршала, о моемъ приѣздѣ, съ просьбою назначить время, когда я могу представиться, разговоръ коснулся положенія дѣлъ въ русской арміи, и тутъ я, къ немалому моему изумленію, узналъ, что представители Пруссіи и Австріи находились, по этому вопросу, въ полномъ невѣдѣши; но, въ оправданіе свое, они жаловались, что фельдмаршалъ не позволялъ имъ, напримеръ, ѣздить въ какой-нибудь лагерь, что они не имѣли права и сопровождать его въ такихъ поѣздкахъ, и только когда поднималась вся главная квартира, они были извѣщаемы о томъ, да и въ такомъ случаѣ графъ желалъ видѣть ихъ при себѣ.

Часовъ въ одиннадцать полковникъ Каницъ получилъ уведомленіе, что фельдмаршалъ приглашаетъ меня къ обѣду. Въ часъ по полудни мы отправились по морю грязи, аки по суху, къ квартирѣ графа, гдѣ уже нашли генерала князя Горчакова, полковника Шильдера и еще нѣсколько офицеровъ. Фельдмаршалъ тотчасъ же велѣлъ позвать Каница и меня въ свою комнату, взялъ у меня депешу и прибавилъ, что поговорить со мною въ пять часовъ, послѣ чего я удалился въ столовую. Это была низенькая, но довольно просторная комната, въ которой помѣщался столъ, накрытый на шестнадцать или восемнадцать человекъ. Вслѣдъ за мною вошелъ и графъ Дибичъ, и тогда двое служителей начали разносить закуску изъ маленькихъ бутербродовъ съ ветчиною и кильками, водку и разные ликеры. Всѣ офицеры были въ сюртукахъ, безъ орденовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые имѣли ордена на шеѣ. Спросивъ меня о здоровьѣ короля, ко-

ролевской фамиліи и фельдмаршала Гнейзенау, графъ сѣлъ за столъ. Только онъ самъ, да князь Горчаковъ имѣли стулья; всѣ остальные помѣстились на скамейкахъ. Обѣдъ, состоявшій изъ супа, аптрма и жареной телятины, хорошо изготовленный, во время котораго подавали, въ скромномъ количествѣ, легкій мозельпейнъ, продолжался около часа. Я сидѣлъ возлѣ князя Горчакова, живо интересовавшагося укрѣпленіями Познани. Когда я объяснилъ ему тамошнюю систему фортификаціонныхъ построекъ, онъ отозвался, что предпочитаетъ систему Кормонтѣна-Вобана, и прочиталъ мнѣ полную лекцію объ этой системѣ, такъ что я мало могъ прислушиваться къ общей бесѣдѣ. Въ одинъ изъ промежутковъ, фельдмаршалъ спросилъ меня, что говорить о мятежникахъ.

— «Ваше сіятельство», отвѣчалъ я, «говорятъ, будто въ окрестностяхъ Кѣльце усердно работаютъ надъ полевыми укрѣпленіями и въ тамошней гористой мѣстности думаютъ организовать пародную войну».

— «Кѣльце?» повторилъ фельдмаршалъ задумчиво. «Почему же именно этому городу они придаютъ такую важность?»

— «Вѣроятно, по принципъ его гористаго положенія, и, кромѣ того, съ нимъ соединены историческія воспоминанія: отсюда, во время монгольскихъ вторженій, началось изгнаніе монголовъ».

— «Развѣ поляки принимаютъ насъ за монголовъ?» возразилъ фельдмаршалъ.

— «Конечно, нѣтъ, ваше сіятельство; но журналисты всегда любятъ историческія аналогіи, особенно когда представится къ тому случай».

Разговоръ перешелъ на многіе другіе предметы, большею частію неважные.

Пока мы обѣдали, густой спѣгъ совершенно затмилъ атмосферу. Это подало кому-то случай замѣтить, что дороги могутъ улучшиться, благодаря спѣгу; по тутъ фельдмаршалъ вѣтшался въ разговоръ и напомнилъ пзъ кампаній 1807 и 1812 годовъ о нѣкоторыхъ моментахъ, какъ бы давая понять, что пыитъ, по его мнѣнію, слишкомъ склонны считать все неодолимымъ, о чемъ прежде и не думая.

— «До тѣхъ поръ, пока продовольствіе хорошо», заключилъ графъ, «солдату и въ голову не должно приходить, что дороги или погода дурны».

Фельдмаршалъ кушалъ съ аппетитомъ, а когда, послѣ обѣды, стали разносить кофе, онъ взялъ съ подноса на половинку наполненную чашку, долилъ ее ромомъ, выпилъ въ нѣсколько глотковъ и, про-

стившись со всѣми, удалился въ свою комнату. Общество тоже разошлось; большинство легли спать; пемпогіе сѣли на копей.

Въ назначенный часъ я опять явился къ графу и немедленно былъ позванъ въ его комнату, небольшую, съ однимъ окномъ, въ которой вся мебель состояла изъ кровати краснаго дерева, пары маленькихъ простыхъ столовъ, стула и скамейки. На одномъ столѣ, по серединѣ комнаты, лежала карта; на другомъ, въ углу, помѣщались туалетъ, черпильница, перья, бумаги и письма.

— «Фельдмаршалъ Глейзенау», сказалъ мнѣ Дибичъ, приглашая движеніемъ руки садиться, «пишетъ, что вамъ поручено объяснить мнѣ политическое положеніе Европы и вообще передать, что дѣлается въ Австріи, въ Германіи и во Франціи».

Я очертилъ личности и дѣла, на сколько они тогда были извѣстны; выставилъ, въ особенности, настроеніе умовъ послѣ событій въ Парижѣ, объяснилъ, какъ подѣйствовали эти событія во Франціи, въ Австріи, въ Германіи и какъ почти всѣ народы припали противную Россіи сторону, хотя правительства остались благорасположенными къ императорскому дому; потомъ я изобразилъ, какъ историческій застой вдругъ смѣнился совершенно невѣдомымъ дотолѣ движеніемъ, которое посредственно и непосредственно вліяетъ на кабинеты Европы; обратилъ вниманіе на положеніе дѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ Казиміръ Перье сталъ главою парижскаго кабинета, коснулся состоянія Бельгій и замѣтилъ, что, во всякомъ случаѣ, мы накалили новой ары. Наконецъ, я изложилъ признаки проявленія вражды къ Россіи и сочувствія къ полякамъ почти во всѣхъ слояхъ народовъ, и что такое настроеніе обнаруживалось въ книгахъ, въ брошюрахъ, въ стихахъ и въ карикатурахъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній о подвѣтріи къ Россіи и о раздраженіи противъ нея, могущихъ повлечь за собою непріятности для правительства, я заключилъ тѣмъ мой докладъ.

Фельдмаршалъ выслушалъ меня съ полнымъ спокойствіемъ.

— «Да, сказалъ онъ, когда я копчилъ, дѣла идутъ дурно, очень дурно; но думаю, что это измѣнится, когда народы образумятся, что непременно будетъ. Императоръ одушевленъ наилучшими намереніями; это впоследствии обнаружится и тогда равновѣсіе возстановится.... Лишь бы государи не потеряли голову, лишь бы они не откладывали вдалѣ разумныхъ реформъ.... Быть вынужденнымъ къ такимъ реформамъ, какъ въ Гессенѣ, въ Саксоніи и въ Брауншвейгѣ, значить вступать въ сдѣлку съ народами, а это, болѣе или менѣе, ведетъ къ ослабленію монархической власти.... Обѣ стороны вдаютъ

ся потомъ въ крайности, если случится какой-нибудь обратный шагъ.... Но пѣтъ ничего хуже, когда правительства не усвоиваютъ себѣ рѣшительнаго отѣпка и не идутъ твердо по однажды предначертанному пути.... Ну, какъ вы совершили ваше путешествіе?...

Я представилъ невозможность перехода чрезъ границу иначе какъ въ Лыктѣ, указавъ на необходимость открыть болѣе короткую линію, напримѣръ чрезъ Коппо на Ломжу, и для того признать Писсекъ предѣломъ подлежащаго обезпеченію отѣбла; сказалъ, что можно Новградъ снабдить двойнымъ предмостнымъ укрѣпленіемъ, что позволило бы спокойно владѣть не только этою линіей подвоза, но и сѣвернымъ округомъ, и что именно это входитъ въ планы фельд-маршала Гвейспау. Я упомянулъ также о небезопасности большой дороги и о томъ, что начальники гарнизоновъ не обращали надлежащаго вниманія на свободу сообщеній. При этомъ я рассказалъ случай въ Шучинѣ.

— «Вы совершенно правы», замѣтилъ фельдмаршалъ; «добрые люди воображаютъ, что сдѣлали свое дѣло, если содержатъ караулъ на станціи, а о всемъ прочемъ мало заботятся. Но я забочусь, чтобы по этому предмету приняты были другія мѣры».

Графъ упомянулъ за тѣмъ о продовольствіи и о доставкѣ жизненныхъ припасовъ изъ Пруссіи. Моему засвидѣтельствуванію, что подвозу изъ Данцига, изъ Эльбннга и Кенигсберга прусскія начальства доставляютъ всякую поддержку и облегченіе, фельдмаршалъ, казалось, не вѣрилъ; но когда я сказалъ, что вдоль границы, на разныхъ мѣстахъ, стояли многочисленные транспорты, напрасно ожидавшіе позволенія перейти границу, и что онъ можетъ удосто- вѣриться въ томъ чрезъ командированныхъ офицеровъ, подозрѣнія его разсѣялись (\*). Я прибавилъ:

(\*) Дибичъ имѣлъ право не довѣрять словамъ Брандта, будто прусское правительство вслѣдствіи сдѣйствовало доставкѣ продовольствія изъ Пруссіи. Изъ статьи г. Аратовскаго: «Распоряженія по продовольствію дѣйствующей арміи въ 1831 году» (приложеніе къ «Военному Сборнику» 1871 г. а № 5 и слѣд.) статьи, основанной на спеціальныхъ документахъ, хранящихся въ архивѣ Варшавскаго военнаго округа—видно, напротивъ, что подвозъ изъ Пруссіи продовольствія происходилъ медленно, потому что при приѣмѣ припасовъ встрѣчались затрудненія, вслѣдствіе чрезвычайной строгости прусскихъ карантинныхъ правилъ. Дибичъ испыталъ только начало прусскаго содѣйствія; Паскевичу пришлось испытать мѣру этого содѣйствія *вполнѣ*. Съ іюля 1831 года, когда въ Пруссіи появилась холера, тамошнія власти просто не допускали никакого сообщенія между мѣстными поставщиками и нашими приѣмщиками, почти каждый день принимавъ новыя карантинныя предосторожности, т. е. почти ежедневно устанавливали новый и болѣе стѣснительный порядокъ сдачи припасовъ.

— «Если ваше сіятельство удостоите вниманіемъ мое предложеніе объ обезпеченіи комунікацій и о восстановленіи кратчайшаго сообщенія съ Пруссіей, то въ скоромъ времени увидите прибытіе значительныхъ запасовъ, купленныхъ г. Пейкеромъ въ Пруссію».

— «Что говорятъ у васъ», продолжалъ графъ, «о томъ, что мы стоимъ здѣсь и не трогаемся съ мѣста?»

— «Люди благоразумные», отвѣчалъ я, «приписываютъ въ сообщеніе обстоятельства, а болтовни глупцовъ не слушаютъ».

— «Другими словами это значить, что мои дѣйствія критикуютъ и что мнѣ порядкомъ достается въ газетахъ», возразилъ Дибичъ.

— «Вашему сіятельству извѣстно, въ чьихъ рукахъ періодическая печать и каковы ея сужденія».

— «Ну, время оправдываетъ меня и докажетъ, какъ много изъ моихъ военныхъ операцій я принесть въ жертву гуманности», сказалъ фельдмаршалъ.

Потомъ онъ сталъ спрашивать о дѣлахъ и о людяхъ въ Берлипѣ и живо интересовался своимъ тамъ пребываніемъ. Я воспользовался этимъ моментомъ разговора, чтобы взглянуть на карту, которую фельдмаршалъ имѣлъ передъ собою, когда я вошелъ, и на которой онъ, судя по циркулю въ его рукѣ, измѣрялъ разстоянія. Это была хорошо извѣстная мнѣ карта Энгельгардта и еще другая, съ русскими подписями. На ней были показаны красными чернилами маршевыя линіи, которыя всѣ сходились къ Рыкамъ. Такъ какъ уже давно говорили о переходѣ русскихъ войскъ за Вислу на пунктѣ, сохранявшемся въ большой тайнѣ, то я могъ предполагать съ нѣкоторою вѣроятностію, что переправа должна была совершиться въ этой мѣстности—и догадка моя оправдалась, какъ показали послѣдствія. Наблюденіе было для меня тѣмъ интереснѣе, что Гнейзенау поручилъ мнѣ узнать, гдѣ именно будетъ совершена переправа.

— «Сколько нужно вамъ времени, чтобы отдохнуть отъ вашего путешествія»? спросилъ фельдмаршалъ.

— «Я могу пуститься въ путь немедленно».

— «Нѣтъ, торопиться не для чего. Я дамъ вамъ письма къ генераламъ, командующимъ войсками въ Венгровѣ и въ Ломжѣ, благодаря вашего фельдмаршала за его любезное письмо и тогда можете ѣхать».

Этимъ кончилась наша бесѣда, продолжавшаяся нѣсколько часовъ. Хотя я передалъ ее въ самыхъ сжатыхъ размѣрахъ, однако она можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на дѣла того времени и на самого Дибича. Въ его непривлекательномъ тѣлѣ жила благородная душа,

не оставшаяся чуждою ни одному изъ возвышенныхъ чувствъ; ему были присущи и человѣческое достоинство, и сознаніе долга. Приведенныя выше слова его о гуманности касались его переговоровъ съ поляками чрезъ посредство Франциска Мичельскаго. Они продолжались еще во время пребыванія моего въ главной квартирѣ, но никто не зналъ о нихъ ничего вѣрнаго. Фельдмаршалъ велъ переговоры одинъ, такъ какъ въ главной квартирѣ имъ, кажется, не сочувствовали.

Размышляя о впечатлѣніи, произведенномъ на меня пребываніемъ въ Сѣппцѣ, я невольно останавливаюсь на разнообразныхъ воспоминаніяхъ. Незадолго передъ тѣмъ я видѣлъ Дибича въ Берлинѣ; ему оказывали здѣсь такія почести, такія оwoцн, какія не выпадали на долю ни одному генералу. Скромность его относительно дѣйствій въ Турціи стяжала ему многочисленныя симпатіи. Наши прусскіе хвастунишки, конечно, находили его не довольно смѣлымъ, не довольно зазорнымъ: и вѣдичъ-то верхомъ онъ не хорошо, неприятно, и животъ-то у него былъ толстъ, и выправки-то военной не имѣлъ онъ.... Генералъ Рюде-фонъ-Лиліенштернъ отзывался о фельдмаршалѣ съ полнымъ уваженіемъ; даже генералъ Валситини, обижавшійся тѣмъ, что Дибичъ рѣшительно игнорировалъ его книгу «Турецкая война», судилъ о графѣ, какъ солдатъ и человѣкъ, благосклонно, хотя и говаривалъ иногда: «а все-таки онъ обрусѣлъ»!... Еще недавно видѣлъ я фельдмаршала въ королевскихъ чертогахъ, окруженного блескомъ земного величія, всѣмъ, что только могли проявить и высокое уваженіе, и тонкая лесть, благоговѣвшія передъ нимъ, такъ сказать, издали; теперь я видѣлъ его въ маленькой крестьянской горницѣ, гдѣ оконныя стекла были разбиты и заклеены бумагою, вынимающимъ передаваемымъ мною сужденіямъ о немъ Европы.... Единственное удобство каморки составляла широкая краснаго дерева кровать, съ чистымъ бѣльемъ.... И все это въ смѣлительномъ свѣтѣ полу-педостигнутыхъ успѣховъ тою арміею, которая считалась лучшею и самою боевою въ цѣломъ мѣрѣ.... Таково свойство всякой славы: заслуженная, большею частію, съ трудомъ, она утрачивается часто съ поразительною быстротою и, обыкновенно, никогда не возвращается....

Жизнь фельдмаршала графа Дибича Забалкапскаго въ главной квартирѣ, если не обуславливалась обстоятельствами, была своеобразна. Онъ любилъ поспать долго; затѣмъ слѣдовали: вѣ служебные доклады, пріемъ рапортовъ и допесей, совѣщанія съ интендантамъ, съ начальникомъ главнаго штаба, съ генералъ-квартирмейстеромъ;

нерѣдко поѣздка въ лагерь; далѣе обѣдъ и продолжительный послѣ него отдыхъ, такъ что фельдмаршалъ, говоря, совсѣмъ раздѣвался. Поспавъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда, онъ шелъ на кладбище, единственное по близости сухое мѣсто, и гулялъ здѣсь часа по два и болѣе, перѣдко до полныхъ сумерекъ. Адъютанты графа называли это время: «*les heures du martyre*» — часами пытанія.

Въ это же время получались донесенія съ авиапостовъ отдаленныхъ частей войскъ, послѣ чего, если было пужно, призывались адъютанты и разсылались по всѣмъ направленіямъ. Нерѣдко они проводили цѣлыя ночи на большихъ дорогахъ.

Окончивъ этого рода дѣла, фельдмаршалъ возвращался въ свое жилище, гдѣ его уже ожидали генералы и офицеры его свиты, явившіеся съ докладами или за полученіемъ приказаній. Обыкновенно они оставлялись пить чай, во время котораго бывала иногда игра въ карты; приглашаемы были, конечно, и прочіе высшіе офицеры. Остальные члены главной квартиры собирались группами сегодня у одного, завтра у другаго офицера играть въ вистъ, въ экарте, въ преферансъ и въ ландскнехтъ, часто до поздней ночи.

Въ главной квартирѣ я не видалъ русскихъ войскъ большими частями, такъ какъ лагерь отстоялъ на довольно далекое разстояніе; по сюда приходили команды, люди по-одиночкѣ, караулы и смѣны — все народъ бравый, хорошо одѣтый и сыто кормленный; у всѣхъ были превосходныя длинныя шинели, правда изъ толстаго, но прочнаго матеріала. Особенно благопріятное впечатлѣніе производили гренадеры и кавалерія. Лошади были въ наилучшемъ видѣ, безъ всякихъ слѣдовъ похода.

Въ русской главной квартирѣ меня поразило обиліе золота. Другой монеты было почти не видно. Изъ предосторожности я привезъ съ собою только золотую монету прусскими лундорами, между которыми замѣшалось нѣсколько гановерскихъ пяти-талерныхъ штукъ, имѣвшихъ тогда гораздо вышій противъ прусскихъ лундоровъ курсъ; но въ торговлѣ вѣдѣсь принимали прусскіе лундоры дешевле гановерскихъ талеровъ, потому что на нихъ была вычеканена римская цифра V. У маркитантовъ я замѣтилъ только одно золото: имперіалы, полумперіалы, червонцы, разсыпанные, какъ у мѣняль, въ открытыхъ небольшихъ ящикахъ. Покупая что-нибудь на нѣсколько копѣекъ, надобно было долго ждать сдачи. Мнѣ сказывали, что, при началѣ кампаніи, субалтеръ-офицеры получали по 400 рублей, штабъ-офицеры по 700 рублей, генералы по 1,000 рублей, а рядовые по 15 рублей — все золотомъ, съ обязательствомъ расплачиваться при

покупкахъ палочными деньгами. Отъ того въ главной квартирѣ было всего вдоволь: вина, ликеры, пиво, ветчина, колбасы, сардельки, отличное масло, чай, превосходный свѣжій хлѣбъ и мясо, лучшее молоко, словомъ все, необходимое для комфортабельной жизни. Овощи, рыбу, картофель доставляли жиды.

Однажды, около полудня, фельдмаршалъ позвалъ меня и сказалъ:

— «Вотъ, любезный майоръ, письмо къ графу Гнейзенау. Передайте ему еще изустно мою дружескую благодарность за его письмо и расскажите ему что вы здѣсь видѣли и какъ пашли пасъ. Попросите его отъ моего имени содѣйствовать какъ можно болѣе интенданту Пейкеру».

При моемъ завѣреніи, что г. Пейкеру предоставлено самое широкое поле распоряжаться, лицо фельдмаршала выразило сомнѣніе, однако онъ не сказалъ ничего и потомъ продолжалъ:

— «Дежурный генералъ дастъ вамъ письма къ генераламъ командующимъ въ Велгровѣ и въ Ломжѣ и сообщитъ содержаніе этихъ писемъ; надѣюсь, что мое письмо вполнѣ будетъ отвѣчать желаніямъ фельдмаршала (Гнейзенау). Благодарю васъ за откровенныя и подробныя объясненія и желаю вамъ счастливаго пути».

Графъ дружески пожалъ мнѣ руку.

Я безотлагательно отправился въ канцелярію дежурнаго генерала, но не засталъ его тамъ, спросилъ о заготовленныхъ для меня письмахъ, но и о нихъ никто не могъ сказать мнѣ ничего толковаго. Наконецъ явился писарь и спросилъ меня, на какомъ языкѣ должны были быть писаны письма; на отвѣтъ мой, что, вѣроятно, на нѣмецкомъ или на французскомъ языкѣ, онъ пріпсезъ мнѣ двѣ записныя книги и попросилъ, чтобы я самъ посмотрѣлъ не занесены ли въ нихъ письма. — «Хотя мы и пишемъ письма и адресуемъ ихъ», прибавилъ писарь, «но не знаемъ что пишемъ, потому что не понимаемъ иностранныхъ языковъ». Къ великой моей радости я отыскать въ исходящемъ журналѣ оба письма, и прочиталъ ихъ. — «Черезъ полчаса я доставляю вамъ письма на квартиру», сказалъ писарь. Я поглялъ пameкъ и отвѣчалъ, что не премину благодарить. Дѣйствительно, менѣе нежели черезъ полчаса я получилъ мои депешы, послалъ за почтовыми лошадьми, откланился князю Горчакову, полковнику Чевкину, простился съ товарищами по квартирѣ и выѣхалъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи я замѣтилъ шесть или восемь всадниковъ, направлявшихся къ сосѣдней деревнѣ. Командиръ моего конвоя сказалъ мнѣ, что это фельдмаршалъ, который, какъ я слы-

шаль еще въ Сѣппицѣ, пазначилъ въ тотъ день переговоры съ польскимъ подковникомъ Мпчельскимъ.

Путь мой лежалъ прямо чрезъ Чегловъ на Калушинъ. По дорогѣ я видѣлъ нѣсколько лагерей пѣхотныхъ войскъ, которыхъ не замѣчалъ при проѣздѣ въ Сѣппицу. День былъ холодный, очень холодный; представьте же себѣ мое изумленіе, когда я увидѣлъ здѣсь множество русскихъ солдатъ, валявшихся голыми въ снѣгу и вытиравшихъ имъ свое тѣло. Они подѣлали себѣ глубокія и длинныя ямы (перѣдко отъ тридцати до сорока футовъ въ длину), по срединѣ которыхъ пылали костеръ. Раздѣвшись здѣсь, солдаты не только обогрѣвались сами, но и выжигали предъ огнемъ паразитовъ изъ рубахъ, панталонъ и шпелей, потомъ бѣжали купаться въ снѣгу и, возвращаясь, одѣвались. Все это происходило при веселыхъ крикахъ... Съ 1818 года я не имѣлъ близкихъ сношеній съ русскою арміею, и теперь многія картины былого времени воскресли въ моей памяти. Русскіе солдаты принадлежать къ любопытнѣйшимъ явленіямъ. Правда, они не развиты, угловаты, но одушевлены своего рода поэзіей. Безпритязательны, полные вѣры, пропитанные любовію къ своему монарху, самоотверженные, храбрые, мужественные, послушные, понятливые, проворные, они — первые солдаты въ мірѣ. Ихъ простота и естественность, ихъ преданность тѣмъ офицерамъ, которые умѣли привязать ихъ къ себѣ, ихъ хладнокровіе, непоколебимость, ихъ грозная внушительность въ бою, и вслѣдъ затѣмъ дѣтская мягкость и воспримчивость, когда они собирався вокругъ балагура-разсказчика, все это богатый матеріалъ для мыслящаго психолога (\*).

Добравшись до Чеглова по большой варшавской дорогѣ, я угостил моихъ копвойныхъ, здѣсь смѣлявшихся, водкою; черезъ нѣсколько минутъ лошади были запряжены и я еще засвѣтло пріѣхалъ въ Калушинъ. Здѣсь мнѣ дали только четырехъ казаковъ, послѣ чего я, несмотря на наступившую темпоту, дурную дорогу и предполагаемую близость польскихъ партизановъ, рѣшился продолжать путь. Очень поздно, на измученныхъ лошадяхъ, достигъ я Лпыа, отпустилъ копвой и взялъ себѣ охранителемъ отъ бродившихъ мародеровъ одного гренадерскаго унтеръ-офицера. Онъ оказался человекомъ разсудительнымъ, смирнымъ, еще молодымъ, недавно произве-

(\*) Такой отзывъ о русскомъ солдатѣ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что Брандтъ, какъ видно изъ его посмертныхъ записокъ, не любилъ ничего русскаго. Онъ говоритъ, между прочимъ, что «пруссаки и австрійцы, при всемъ различіи своихъ политическихъ мнѣній и желаній относительно войны противъ поляковъ, были согласны въ своей антипатіи къ русскимъ» (in ihrer Antipathie gegen die Russen ziemlich einig waren). Часть вторая, стр. 69.

депнымъ въ это званіе за Гроховъ. Онъ рассказывалъ мнѣ о сраженіи, о Дибичѣ, какъ тотъ долго находился при полку своего имени, какъ всѣ офицеры роты были переранены или перебиты, о трудностяхъ, перенесенныхъ на маршѣ...

Въ Венгровѣ я осматривалъ укрѣпленія, построенныя для обороны переправы чрезъ Ливецъ. Построены они были хорошо, но, на мои глаза, не отвѣчали цѣли. Впрочемъ, чтобы судить объ этомъ вѣрно, надлежало знать число войскъ, имѣвшихся въ распоряженіи, средства атаки противника и т. п., а мнѣ недоставало такихъ свѣдѣній. Впослѣдствіи, верки оказали добрыя услуги. Заходилъ я и въ магазины. Они были полны: сухари, мука, овесъ мылись въ большомъ количествѣ; два послѣдніе предмета были искуплены, большею частію, на наличныя деньги; сухари, изготовленные на мѣстѣ, оказались хорошо выпеченными и вкусными.

Въ Венгровѣ я получилъ четвертку добрыхъ коней и опытнаго ямщика; но дорога отсюда была такъ дурна, что мои восемь конвойныхъ казаковъ нерѣдко вытаскивали коляску изъ глубокихъ выбоинъ, почему я довольно поздно прибылъ въ Брокъ, на переправу чрезъ Бугъ. По рѣкѣ шелъ еще слабый ледъ, и хотя вода спала, но по причинѣ деревьевъ и бревенъ, выброшенныхъ, во время половодья, на берегъ, переправа все еще представляла затрудненія. Экипажъ мой помѣстили на паромѣ, а я, съ тремя искусными гребцами и съ начальникомъ моего конвоя, сѣлъ въ небольшую лодку. Сначала мы взяли довольно далеко вверхъ по рѣкѣ, однако подверглись опасности, когда поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Брокъ упадетъ въ Бугъ: лодка попала въ водоворотъ, перевернулась нѣсколько разъ, и только благодаря усиленнымъ гребцовъ вошла въ стоящій фарватеръ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ старанія, мы могли выйти на берегъ далеко ниже Брока. Отсюда я выѣхалъ вскорѣ по полуночи съ конвоемъ изъ двѣнадцати казаковъ, которыми я распорядился такимъ образомъ, чтобы трое слѣдовали впереди, а девять оставались при мнѣ. Это было необходимо потому, что въ лѣсу, по которому намъ предстояло ѣхать и который тянулся почти до Ломжи, бродили, по слухамъ, партизаны и всякая сволочь, а ночь была хоть глазъ выколи.

Въ Ломжѣ я явился къ командовавшему здѣсь генералу Эртелю, передалъ ему письмо отъ фельдмаршала и, когда онъ прочиталъ его, спросилъ, не сообщить ли мнѣ генералъ какихъ нибудь извѣстій о восстановленіи ближайшаго сообщенія съ Пруссіей. Эртель отвѣчалъ отрицательно, и на замѣчаніе мое, что графъ Дибичъ, повидимому, очень заботится о томъ, сказалъ:

— «Все, что я могъ сдѣлать — сдѣлано. Я расположилъ вдоль Пыша (Пишека) подвижную колону изъ шести гренадерскихъ ротъ, двухъ казачьихъ полковъ и полубатарей, и этого достаточно для охраны края».

— «Но», продолжалъ я, «обозы, стоящіе на прусской границѣ, весьма многочисленны, и если переправы черезъ Пышъ не будутъ въ постоянной власти вашихъ войскъ, то, пожалуй, пѣкоторыя части обоза могутъ быть отрѣзаны».

— «Посмотрю, какія принять мѣры; я получу теперь больше войскъ и обращу на это вниманіе», отвѣчалъ генераль Эртель.

— «Въ такомъ случаѣ я поспѣшу довести о томъ фельдмаршалу графу Гнейзенау, чтобы быть въ состояніи исполнить его приказанія».

Генераль, которому этотъ разговоръ былъ, очевидно, непріятенъ, прервалъ его и пригласилъ меня въ обѣду; но я отказался, желая безотлагательно пуститься въ дальнѣйшій путь.

Мнѣ удалось видѣть въ Ломжѣ, передъ самымъ выѣдомъ, пѣкоторыя войска гвардіи, только что сюда вступившія. Тѣ части пѣхоты, которыя я видѣлъ, состояли изъ видныхъ и красивыхъ людей; на площадкѣ передъ городомъ расположились артилерійскій паркъ и понтонный обозъ — матеріялъ превосходный. Они были въ походѣ пѣсколько мѣсяцевъ и ни люди, ни лошади, ни повозки не имѣли на себѣ даже слѣдовъ его. Повсюду господствовалъ образцовый порядокъ. Но меня удивила безпечность при охраненіи парка и обоза: все было какъ бы посреди глубочайшаго мира; лишь кое-гдѣ видѣлись часовые, больше формальности ради. Правда, я не зналъ, какъ были расположены войска въ окрестностяхъ, однако и слѣпой замѣтилъ бы, что въ промежуткахъ кантониръ-квартиръ могли двигаться цѣлыя дивизіи для нападеній врасплохъ. Отѣхавъ отъ станціи около милн, я повстрѣчалъ батальонъ, слѣдовавшій такъ же, какъ бы въ мирное время: впереди небольшой авангардъ, за нимъ батальонъ отдѣленіями, потомъ бочка съ водкою, коновруемая нѣсколькими солдатами, а на двадцать пять шаговъ далѣе арьергардъ человекъ нѣзъ тридцати. Казалось, будто батальонъ возвращался съ ученья.

Когда я пріѣхалъ въ Лыкъ, тамъ давно перестали ждать меня, потому что послѣ появленія мятежническихъ бандъ у Щучина считали невозможнымъ добраться до Сѣнинцы. Нѣкоторые говорили даже, что я прібылъ въ Щучинъ въ то самое время, когда исуррепты напали на почтовую станцію, что меня ранили и взяли въ плѣнъ.

Т.

(Окончаніе будетъ).

# ПОѢЗДКА ВЪ ГЛАВНУЮ КВАРТИРУ

ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА ДИБИЧА-ЗАБАЛКАНСКАГО

ВЪ МАРТѢ 1831 ГОДА.

---

(Изъ записокъ прусскаго генерала-отъ-инфантеріи Врандта).

---

(Окончаніе) (\*).

## III.

Докладъ фельдмаршалу графу Гнейзенау и королю Фридриху-Вильгельму. — Дожные слухи о корпусѣ генерала Розена. — Мнѣніе Гнейзенау о полякахъ. — Сужденіи Клаузевица. — Холера. — Прибытіе въ Познань медицинской коммисіи изъ Париза и доктора Квядюшевскаго изъ Москвы. — Кончина фельдмаршала Дибича. — Событія послѣ паденія Варшавы. — Бѣглые полки въ Пруссіи.

Я пріѣхалъ въ Познань часу въ четвертомъ ночи и остановился передъ квартирою фельдмаршала Гнейзенау. Увидѣвъ свѣтъ въ передней, немедленно вошелъ и засталъ адъютанта егеря вполнѣ одѣтымъ. На мой вопросъ, можно-ли разбудить фельдмаршала, егерь, безъ дальнихъ околичностей, отправился въ спальню и скоро вернулся съ отвѣтомъ, что графъ желаетъ говорить со мною. Я засталъ фельдмаршала сидящимъ на кровати и, послѣ того какъ онъ привѣтствовалъ меня, отдалъ ему краткій отчетъ о возложенномъ на меня порученіи. Принявъ письма Дибича, онъ отпустилъ меня.

Я замѣтилъ въ Гнейзенау что-то странное, чтобы не сказать тупое, и потому спросилъ егеря, не болѣвъ-ли графъ. — «О, нѣтъ», отвѣчалъ егерь: «еще вчера у насъ былъ большой обѣдъ и его сѣятельство были очень веселы». На другой день, рано утромъ, фельдмаршалъ опять позвалъ меня и пожелалъ узнать подробности моей поѣздки. Тутъ я удостоверился, что большею частью то, о чемъ я докладывалъ ночью, казалось ему совершенно новымъ, и онъ раз-

---

(\*) См. «Военный Сборникъ», № 2.

спрашивалъ меня о такихъ вещахъ, о которыхъ я считалъ себя въ правѣ не упоминать, такъ какъ уже говорилъ о нихъ. Докладъ мой продолжался почти до полудня; затѣмъ фельдмаршалъ приказалъ мнѣ представить ему письменное допесеніе, хотя я и отвѣчалъ, что не имѣю прибавить ничего особенно важнаго. Послѣ обѣда, Гнейзенау еще разъ прислалъ за мною и приказалъ мнѣ ѣхать въ Берлинъ для личнаго доклада королю обо всемъ мною видѣнномъ и слышанномъ.

Встрѣтившись съ молодымъ графомъ Гнейзенау, я передалъ ему сдѣланное мною утромъ наблюденіе и спросилъ, не болѣнъ-ли его отецъ?— «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «папа совершенно здоровъ, но въ немъ есть такая странность, что, если его разбудятъ ночью, то, выслушавъ все, о чемъ ему говорить, и снова заснувъ, ничего не помнитъ, что наканунѣ дѣлалъ и что самъ говорилъ».— По этому поводу молодой Гнейзенау разсказалъ, какъ въ Лаонѣ разбудилъ ночью отца, передалъ ему сущность допесенія о ночномъ дѣлѣ Іорка, а утромъ отецъ сталъ выдавать это сыну какъ новость, рѣшительно забывъ слышанное ночью... Обстоятельство это показалось мнѣ тѣмъ замѣчательнѣе, что въ арміи ходили слухи, будто фельдмаршалъ, въ бытность свою начальникомъ штаба при Блюхерѣ, получилъ въ ночь передъ люценскимъ сраженіемъ диспозицію къ бою, прочиталъ ее, и не отдавши соответственныхъ приказаній, преспокойно заснулъ, а утромъ пошелъ се у себя на столъ, отъ чего, разумѣется, произошли замедленія въ распоряженіяхъ. Михайловскій-Данилевскій, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», повѣствуетъ, что это случилось съ однимъ чиновникомъ Блюхеровой главной квартиры, и именно этому обстоятельству приписываетъ, что смѣлый и хорошо обдуманый планъ Витгенштейна не увѣчался полнымъ успѣхомъ.

И пріѣхалъ въ Берлинъ въ великій четвертокъ и тотчасъ-же явился къ генералъ-адъютанту Вицлебену. Онъ предложилъ мнѣ не видѣться ни съ кѣмъ до субботы, т. е. до дня представленія его величеству, совѣтовалъ отдохнуть послѣ утомительной поѣздки, собраться съ мыслями и приготовиться къ аудіенціи. Отдыхъ, однако, мнѣ не дался: всю ночь провелъ я въ лихорадочномъ состояніи и только къ утру подкрѣпилъ себя непродолжительнымъ сномъ; затѣмъ сталъ обдумывать обстоятельства своего путешествія и внимательно рассмотрѣлъ карту. Въ пятницу получилъ я приказаніе быть на другой день во дворцѣ, къ одиннадцати часамъ утра. Въ первый разъ доводилось мнѣ докладывать лично моему государю. Въ то время это много значило. Короля Фридриха-Вильгельма окружалъ тогда полный блескъ «царственнаго величія» (*majestas regii*): его уважали, предъ

нимъ благоговѣли, его любили; но со мною случалось то же, что и со множествомъ другихъ молодыхъ офицеровъ, рѣдко его выдавшихъ: въ его присутствіи я чувствовалъ смущеніе, утрачивалъ присутствіе духа, и потому уклонялся отъ встрѣчъ съ нимъ.

Лишь только часы пробили одиннадцать, дежурный флигель-адъютантъ появился изъ королевскихъ покоевъ и сказалъ мнѣ: — «Его величество ожидаетъ васъ, господинъ майоръ». Я вошелъ. Король сидѣлъ на табуретѣ за письменнымъ столомъ, стоявшимъ у стѣпы. Генералъ Вицлебенъ помѣщался у камина, въ которомъ пылалъ огонь; нѣсколько поодаль стояли князь Витгенштейнъ и оберъ-камергеръ Бухъ.

— «Ну», сказалъ король, выслушавъ мой офиціальныи докладъ, «разсказывайте, какъ вы нашли русскія войска, какъ *стоятъ* тамъ дѣла — вѣдь они не *идутъ* впередъ (wie die Sachen dort stehen — kommen ja gar nicht von der Stelle), и здоровъ-ли фельдмаршалъ Дибичъ?»

— «Ваше величество, всѣ части войскъ, мною видѣнныя, были въ хорошемъ состояніи, а гренадерскій корпусъ и гвардія такъ свѣжи и бодры, какъ будто только-что выступили изъ мѣстъ своего постоянного расположенія. Продовольствіе, кажется, вездѣ достаточное и въ главной квартирѣ фельдмаршала можно было получить все за не слишкомъ высокую цѣну».

На вопросъ, что дѣлается въ главной квартирѣ, я разсказалъ все, о чемъ упомянулъ выше, прибавивъ для уясненія нѣсколько мелкихъ подробностей. Король перешелъ къ частностямъ, доказывавшимъ, какъ коротко были извѣстны ему расположеніе войскъ и другія обстоятельства. Говоря объ охраненіи границы и о коммуникаціонной линіи вдоль ея, я называлъ двѣ роты гренадерскаго имени его величества полка.

— «Но вѣдь мой полкъ входитъ въ составъ главныхъ силъ; какъ же попали туда двѣ роты?» спросилъ Фридрихъ-Вильгельмъ.

Я отвѣчалъ, что сводный отрядъ гвардейскаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Эртеля, расположенъ съ нѣкоторыхъ поръ въ окрестностяхъ Ломжи, по причинѣ появленія тамъ многочисленныхъ партизанскихъ шаекъ.

— «Вижу, что вы хорошо ориентированы и хорошо наблюдали» замѣтилъ король.

На вопросъ: что говорятъ о дальнѣйшихъ планахъ фельдмаршала, я разсказалъ все, что могъ вывести изъ бесѣдъ со мною графа Дибича, прибавивъ однако, что, быть можетъ, я ошибаюсь въ своихъ предположеніяхъ.

— «Устранены-ли послѣдствія сраженія при Гроховѣ и что говорить о томъ въ главной квартирѣ?»

Я передалъ его величеству все что слышалъ отъ русскихъ, отъ австрійцевъ и отъ поляковъ, и что сообщалъ мнѣ полковникъ Капицъ. Въ моемъ рефератѣ князь Шаховской по игралъ особенно видной роли. Король выслушалъ меня спокойно и высказалъ потомъ о нѣкоторыхъ частностяхъ вѣрные замѣчанія, показывавшія, что ходъ дѣла былъ извѣстенъ ему коротко.

— «Всякій бросаетъ камнемъ въ князя Шаховскаго», прибавилъ опъ; но хорошо судить, сидя за зеленымъ столомъ: тутъ каждый разыгрываетъ роль полководца».

— «Ну, попался въ просакъ!» подумалъ я, однако тотчасъ же ободрился, когда король продолжалъ:

— «Дочь моя (°) писала мнѣ тоже самое. Вижу, что вы вѣрно поняли положеніе дѣла».

Его величество разспрашивалъ потомъ о театрѣ войны, о дорогахъ на немъ, о продовольствіи, о состояніи здоровья и о духѣ русскихъ войскъ, высказалъ нѣсколько замѣчаній о литовскомъ корпусѣ; словомъ, вдался въ такія подробности, которыя свидѣтельствовали о серьезномъ изученіи имъ предмета. Могу удостовѣрить, что король зналъ всѣ обстоятельства гораздо лучше, нежели ихъ знало большинство прусскихъ генераловъ и офицеровъ, хотя, по своимъ обязанностямъ, они должны были бы спеціально посвящать себя изученію этого дѣла. Начальникъ главнаго штаба прусской арміи имѣлъ, конечно, вѣрные свѣдѣнія о цѣломъ, но относительно частныхъ картинъ, которыя и сообщаютъ ей фizioномію, король стоялъ выше его.

Отпуская меня, его величество замѣтилъ, что съ удовольствіемъ узналъ изъ моего доклада подтвержденіе того, что предполагалъ. Въ дежурной компаніи меня догналъ генералъ-адъютантъ Вицлебенъ и сказалъ, что король остался очень доволенъ моими объясненіями, но что я долженъ изложить ихъ письменно. Вицлебенъ совѣтовалъ мнѣ оживить общую картину частностями, которыя, по его словамъ, составляютъ главное дѣло въ подобныхъ запискахъ.

Между многими принципами и генералами, которымъ я представлялся, никто не проявилъ такого интереса къ дѣлу, какъ герцогъ Карлъ: онъ продержалъ меня больше часа и былъ неистощимъ въ вопросахъ. Опъ слѣдилъ за ходомъ войны съ величайшею точностію, обозначилъ на картѣ всѣ позиціи булавками и обо всемъ имѣлъ основательныя свѣдѣнія.

(°) Императрица Александра Осодоровна.

Фельдмаршалъ Гнейзенау приказалъ мнѣ отправиться къ русскому посланнику, графу Алоуеусу, и представить ему положеніе дѣлъ такъ, какъ я нашелъ въ главной квартирѣ, равно сообщить графу о самомъ Дибичѣ. Посланникъ врипалъ меня съ нѣкоторою раздражительностію.—«Господа вашего закала», сказалъ онъ, «не слышномъ преданы русскому дѣлу, и, повидимому, рѣшительно стали на сторону мятежа; тѣмъ болѣе я благодаренъ, что вы вспомнили о человѣкѣ, дѣйствующемъ на военно-политическомъ поприщѣ». Затѣмъ онъ сильно возсталъ противъ статей маіора Виллизена, напечатанныхъ въ «*Militair-Wochenblatt*». Исторія этихъ статей была мнѣ извѣстна; я зналъ, что король предварительно читалъ ихъ, кое-что даже измѣнилъ въ нихъ, но мнѣ казалось благоразуміе представиться ничего невѣдающимъ, сославшись на то, что я только-что пріѣхалъ.—«Я пытался», продолжалъ графъ Алоуеусъ, «войти по этому предмету въ соглашеніе съ генераломъ Краузенекомъ, но напрасно: онъ гордъ, скрытенъ и не менѣе своихъ офицеровъ предубѣжденъ противъ русскихъ. Забыли, повидимому, что сдѣлали мы для Пруссіи въ 1813 году».—Такое напоминаніе задѣло меня за живое и я отвѣчалъ:—«Не думаю, ваше сіятельство, что бы маіоръ Виллизенъ забылъ это, но онъ, быть можетъ, полагаетъ, что въ политикѣ, какъ и въ торговлѣ, надо расплачиваться тою же монетою» (\*).

Памятенъ мнѣ еще обѣдъ у принца Альберта, недавно вступившаго тогда въ бракъ. Принцесса предлагала весьма разумные вопросы, всла себя истинно по-царски и производила на безпристрастнаго наблюдателя самое благопріятное впечатлѣніе. Между прочимъ, она сказала: «Фельдмаршалу Дибичу не счастливится», и на замѣчаніе мое, что слава еще можетъ расцвѣсти для него, прибавила быстро:—«Нѣтъ, въ борьбѣ съ революціей пожинаютъ больше слезъ, чѣмъ лавровъ».

Я торопился кончить мое письменное донесеніе королю, и чрезъ нѣсколько дней сталъ готовиться къ отъѣзду въ Познань. Въ это самое время распространился слухъ о пораженіи, понесенномъ Розеномъ подъ Варшавою; всѣ говорили о томъ, хотя и не знали источника этого слуха. Нѣкоторымъ молодымъ полякамъ, обращавшимся во мнѣ

(\*) Какою же именно монетою? Въ 1813 году Россія воевала не за свои интересы, а за освобожденіе Германіи и Пруссіи, и достигла цѣли. Безъ Россіи, ни Германія, ни Пруссія не справились бы съ Наполеономъ—это такая истинна, которую могутъ оспаривать только фанатическіе враги всего русскаго. При усмиреніи польскаго мятежа Россія не нуждалась въ помощи Пруссіи. Какіе же тутъ могли быть счеты?

съ вопросамъ, я отвѣчалъ, что русская армія могла, конечно, потерпѣть неудачу, но что это не будетъ имѣть особеннаго вліянія на общій ходъ войны. Такой мой отзывъ польскіе папичи переписали въ томъ смыслѣ, будто я сказалъ, что поляки навѣрное побьютъ русскихъ; да еще съ прибавленіемъ всякаго рода пелѣпостей, также мнѣ приписанныхъ. Вѣсть о томъ дошла даже до Познани, и когда я воротился туда, генералъ Клаузевицъ сдѣлалъ мнѣ оффіціальныя запросы: выражалъ-ли я и кому именно подобное мнѣніе? Оказалось, что это была одна изъ тѣхъ сплетенъ, которыми нѣкоторые любятъ пользоваться въ смутныя времена, съ цѣлію тревожить умы и давать ходъ лжи. Такую систему поляки широко развѣдули въ повѣдшее время и она стала однимъ изъ главныхъ средствъ революціонной партіи— повсюду сѣять и до безконечности распространять смуту.

По прибытіи моемъ въ Познань, уже получено было извѣстіе о событіяхъ, совершившихся подъ Варшавою и съ корпусомъ Розена, разумѣется въ невѣроятпо-превратномъ видѣ. Печатные, литографированные и рукописные листки передавались изъ рукъ въ руки и преувеличивались и искажались частными корреспонденціями до такой степени, что всѣ готовы были вѣрить конечному истребленію русской арміи. Фельдмаршалъ Гнейзенау поручилъ мнѣ постараться добыть что нибудь достовѣрное, но, несмотря на мое знакомство съ польскими кружками всѣхъ оттѣнковъ и на усердіе жидовъ-лазутчиковъ, было рѣшительно невозможно узнать что-либо положительное. Одинъ знакомый доставилъ мнѣ множество подлинныхъ писемъ изъ Варшавы и изъ арміи, которыя довольно согласно показывали потери русскихъ и рисовали дѣло мятежниковъ въ розовомъ свѣтѣ. Возбужденіе умовъ въ Познани, гдѣ тогда преобладалъ польскій элементъ, было чрезвычайное. Поляки воспользовались случаемъ пустить въ ходъ удивительные слухи: то въ какой то церкви улыбалась икона Іисуса Христа; то образъ Божіей Матери, покровительницы Польши, въ кармелитской церкви былъ окруженъ вечеромъ небеснымъ сіяніемъ; то бѣлый орелъ на башнѣ городской ратуши, почерпѣвшій отъ времени, внезапно побѣлѣлъ; то портреты старинныхъ польскихъ королей, помѣщенные въ стѣнахъ ратуши, озарились, въ ночь вылазки и побѣды подъ Прагою, яркимъ блескомъ.... Словомъ, конца не было молвѣ о всяческихъ подобныхъ вздорахъ, и народъ съ ранняго утра до поздняго вечера толпился на улицахъ, чтобы взглянуть на эти диковинки и, что всего замѣчательнѣе, подтверждалъ ихъ справедливость.

Случайно или умысленно, газеты, въ это время, не приходили; по-

лучались только краткіе, разумѣется до нельзя преувеличенныя, побѣдные бюллетени. Не было недостатка и въ многочисленныхъ поползновеніяхъ поколебать вѣрность польскихъ солдатъ прусскаго корпуса, расположеннаго въ познанской провинціи. Однако корпусъ оказался надежнымъ; бѣжавшихъ солдатъ не было ни одного, хотя часть резервнаго батальона, состоявшаго почти изъ однихъ поляковъ, занимала самый городъ Познань. Польскіе ландверные батальоны также не нарушили присяги, хотя въ нихъ служили офицеры прежней польской арміи. Правила чести не были тогда такъ шатки, какъ нынѣ. Бѣжалъ только одинъ офицеръ, Копрадъ, полякъ изъ Силезіи.

Литографированная корреспонденція изъ Калиша, полученная прусскою пограничною почтою и тотчасъ же присланная въ главную квартиру фельдмаршала Гнейзенау, принесла наконецъ извѣстіе, что русская армія, на маршѣ къ Рыкамъ, была неожиданно атакована поляками, разбита и принуждена заключить капитуляцію, въ силу которой перешла за границу на определенныхъ пунктахъ. Гнейзенау, имѣвшій приказаніе, въ случаѣ какого-либо важнаго событія, немедленно вступить въ Царство Польское, былъ тѣмъ болѣе встревоженъ слухами, что совершенно такія же вѣсти пришли и изъ Врешена. Генералъ Клаузевицъ настаивалъ на сосредоточеніи корпусовъ и собственноручно заготовилъ семнадцать приказаній для этого движенія. Фельдмаршалъ позвалъ меня, чтобы еще разъ выслушать донныя, собранныя лично мною, полученныя отъ полковника Капица и вообще все, что было извѣстно о воюющихъ сторонахъ, сопоставить всѣ донныя и прослѣдить по картѣ. Въ эту минуту вошелъ Клаузевицъ.

— «Я принесъ вашему сіятельству», сказалъ онъ, «маршевыя диспозиціи и хотѣлъ просить васъ привести ихъ въ исполненіе».

— «Очень хорошо», отвѣчалъ Гнейзенау, «но я полагаю, что мы должны подождать до вечера; тогда придетъ почта, и если она не принесетъ ничего, у насъ будетъ еще вдоволь времени сдѣлать все, что нужно».

Генерала Клаузевица смутилъ такой отвѣтъ.

— «Господинъ майоръ», продолжалъ фельдмаршалъ, обратять ко мнѣ: «прочитайте еще разъ послѣднія дописанія».

Когда я это исполнилъ, Гнейзенау подвергъ подробной критикѣ всѣ полученныя съ границы извѣстія. Клаузевицъ, въ свою очередь, отстаивалъ необходимость безотлагательнаго изготовленія приказаній. Онъ рѣзко порицалъ всѣ дѣйствія и распоряженія Дибича предъ боемъ при Гроховѣ, выводилъ изъ нихъ возможность имѣвшихся на лицо донесеній и все это выражалъ съ какою-то запальчивою враж-

деблостію.... Фельдмаршалъ Гнейзенау, до сихъ поръ спокойно слушавшій своего начальника штаба, прервалъ его и, основываясь на положеніи дѣлъ при возобновленіи военныхъ дѣйствій, доказалъ невозможность предположенія, будто поляки «припудрили» Дибича заключить капитуляцію, на основаніи которой онъ долженъ былъ отступить за границу Царства Польскаго.... Клаузевицъ пытался еще разъ предъявить свои доводы, но Гнейзенау побѣдоносно опровергъ ихъ.

— «Допускаю», сказалъ онъ, «что поляки прорвали линію русскихъ подъ Варшавою, что, быть можетъ, ворвались даже въ ихъ парки, захватили нѣсколько пушекъ—но вотъ и все! Предполагать же ихъ здѣсь побѣдителями, приписывать имъ блистательные частные успѣхи *противъ Рыкз*—нѣтъ никакихъ причинъ. Болотистая, перерѣзанная рѣчками и топами мѣстность не допускаетъ быстрыхъ движеній ни къ Свицеру, ни къ Виліѣ; на шоссе Ливецъ образуетъ хорошую опорную позицію. Русскіе, въ томъ положеніи, въ какомъ еще недавно видѣлъ ихъ майоръ Брандтъ, не могли же разомъ утратить боевую годность въ такой степени, чтобы довести себя до тѣхъ унижительныхъ условій, которыя имъ приписываютъ поляки. Бугъ и Вепржъ образуютъ, въ послѣдней крайности, двѣ линіи, за которыми можно вновь собрать и устроить даже деморализованныя войска. А русскіе, безъ сомнѣнія, удержали ихъ—въ этомъ я убѣжденъ; да и поляки не могутъ достигнуть обѣихъ линій. При замѣчательныхъ способностяхъ и дарованіяхъ польскихъ военачальниковъ, такой фланговой маршъ, какъ совершенный Дибичемъ къ Рыкамъ, могъ, конечно, подвергнуться всякаго рода случайностямъ; но, судя по тому, какъ были эшелонированы русскія войска на маршъ къ Рыкамъ, урокъ могли понести развѣ отдѣльныя части, а это никогда не могло имѣть такихъ послѣдствій, въ какихъ насъ хотятъ увѣрить».

Фельдмаршалъ Гнейзенау, несмотря на свое наружное спокойствіе, былъ въ возбужденномъ настроеніи; глаза его сверкали особеннымъ блескомъ, и именно такимъ представлялъ я его себѣ въ пылу боя. Хладнокровный, разсудительный, ясный до глубины и, притомъ, съ неодолимою силою воли и мысли.... Видалъ я въ моей жизни многихъ фельдмаршаловъ и многія военные знаменитости, длинный рядъ почти всѣхъ французскихъ полководцевъ первой имперіи, потомъ Вишгештейпа, Дибича, Паскевича, Сакена, Толля, но нивто изъ нихъ не производилъ на меня такого обаятельнаго

дѣйствія, какъ Гнейзенау. Все въ его словахъ было глубоко продумано, сильно, логично.

Обратясь ко мнѣ, фельдмаршалъ сказалъ:

— «Любезный майоръ, постарайтесь провѣдать еще что нибудь, дожидитесь прихода почты и принесите мнѣ, возможно скорѣе, новѣйшія варшавскія вѣсти».

Подходя къ улицѣ, ведущей въ почтовой конторѣ, увидѣлъ я необозримыя толпы народа, и хотя меня знали коротко, даже благоволили ко мнѣ, однако я не могъ проложить себѣ дорогу чрезъ живую стѣну, вернулся и уже окольными улицами добрался до почтового дома, осажденнаго густыми массами. Съ помощію почтъ-инспектора я благополучно достигъ почтового двора, нашелъ здѣсь оберъ-почтъ-директора и тотъ распорядился немедленно исполнить желаніе фельдмаршала. Черезъ добрыхъ полчаса прибыла почтовая повозка. Тысячекратное ура встрѣтило ее, многочисленныя вѣтки полетѣли на мнѣмъ вѣстниковъ побѣды.... Прочитавъ тутъ же польскія газеты, я, къ удивленію моему, нашелъ въ нихъ только подробныя свѣдѣнія о движеніяхъ уже извѣстныхъ, и рѣшительно не отыскалъ ничего, что заставляло бы заключить о маршѣ русскихъ къ Рыкамъ. Я послѣдшилъ кратчайшимъ путемъ къ фельдмаршалу. Онъ казался еще хладнокровнѣе, нежели когда нибудь.

— «Ну, садитесь, отиѣйте самое важное и переведите мнѣ по томъ», сказалъ Гнейзенау.

— «Ваше сіятельство, самое важное то, что газеты заключаютъ въ себѣ лишь давно намъ извѣстное, что вся исторія о Рыкахъ есть, повидимому, выдумка польской печати, чтобы произвести какую нибудь катастрофу, возмущеніе....»

— «Иного я и не допускалъ», замѣтилъ фельдмаршалъ; «однако прочитайте все не торопясь, я подожду».

Еще разъ со вниманіемъ прочиталъ я газеты, но могъ повторить фельдмаршалу только то, что уже сказалъ.

— «Вотъ видите», воскликнулъ онъ входящему съ бумагами генералу Клаузевицу: «все дѣло оканчивается польскимъ хвостовствомъ! Последнія варшавскія газеты, отъ вчерашняго числа, ни слова не говорятъ объ исторіи съ арміей Дибича».

— «Это, однако, не опровергаетъ, что русскіе идутъ на встрѣчу кризису», замѣтилъ Клаузевицъ. Фельдмаршалъ возразилъ, что если ожидать какого нибудь кризиса, то скорѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, потому что Дибичъ навѣрное употребитъ всѣ усилія войти въ связь съ Розеномъ и съ гвардіей, возстановитъ свои сообщенія съ Брес-

томъ-Литовскимъ, а затѣмъ, конечно, легко могутъ случиться всякаго рода событія.

Вѣрность предположенія Гнейзенау не замедлила подтвердиться: вскорѣ потомъ получены были извѣстія о возвращеніи Дибича съ Вепржа.

Мнѣ казалось, что фельдмаршалъ Гнейзенау обращалъ большее вниманіе на дѣла во Франціи и въ Бельгіи, нежели на событія въ Царствѣ Польскомъ. Последними онъ занимался только тогда, когда получались новыя, особенно важныя, извѣстія.— «Дибичъ», говорилъ онъ, «справится съ косиньерами, хотя бы мятежъ принялъ и обширные размѣры; кромѣ того, сами поляки позаботятся облегчить ему рѣшеніе задачи: нѣтъ въ мірѣ народа, который бы терзалъ самъ себя съ такимъ легкомысліемъ, описывалъ бы потомъ такъ хвастливо свои печальныя заблужденія и такъ рисовался своимъ преступнымъ верхоглядствомъ....» Гнейзенау вспоминалъ, вѣроятно, кампаніи 1793 и 1794 годовъ, когда стоялъ на границѣ и былъ полонъ негодованія на непростительную заносчивость польскаго шляхетства. Своекорыстіе и поползновеніе воскресить мнимую политическую жизнь, фанатическое стремленіе къ возврату старыхъ порядковъ, или, точнѣе, старой неурядицы, подвигали польскихъ пановъ на всѣ возмущенія, и всегда подъ благовидными предлогами. Право, спокойствіе, порядокъ, благосостояніе, хорошее воспитаніе юношества были имъ ненавистныя насилія, смуты, бѣдности, беззаконія и невѣжества, и такого промѣна не могли простить прусскому правительству ни дикая, необузданная шляхта, ни тупоумное и фанатическое духовенство.... Впослѣдствіи, когда я ближе стоялъ къ событіямъ, неоднократно припоминались мнѣ строгіе отзывы мужа хладнокровнаго, примирительнаго, и я убѣдился, что Гнейзенау говорилъ сухую правду.

Событія, бывшія послѣдствіемъ случая съ корпусомъ Розена, продолжали занимать насъ. Послѣ всѣхъ пуховъ, пущенныхъ въ ходъ поляками, чтобы побудить прусскую дипломатію къ ложнымъ мѣрамъ—въ этомъ и заключалась главная цѣль выдумокъ—мы все еще оставались въ неизвѣстности о движеніяхъ обѣихъ армій, и, судя по стратегическимъ ошибкамъ русскихъ, не считали невозможнымъ какую-либо катастрофу. Въ нашей главной квартирѣ дѣло это обсуждалось нерѣдко, но безъ всякаго участія со стороны Гнейзенау; только Клаузевицъ постоянно дышалъ злостью на веденіе войны русскими, пускался въ сужденія о мѣрахъ Дибича, считалъ его ниже посредственности, говорилъ, что онъ не умѣлъ воспользоваться даже матеріальною силою русскихъ для рѣшенія дѣла, а это рѣшеніе, по

словамъ Клаузевица, могло быть только въ пользу русскихъ.... Когда же стало достовѣрно извѣстно, что новый польскій главнокомандующій, Скржинецкій, разбилъ корпусъ Розена и бросился между Дибичемъ и гвардіей, генераломъ Клаузевицемъ овладѣла лихорадочная раздражительность. Изучая теорію войны, онъ пустился въ соображенія о тѣхъ шансахъ, которые, при данныхъ условіяхъ, представлялись хорошему полководцу, и полагалъ, что теперь борьба приняла оборотъ, могущій быть въ высшей степени пагубнымъ для русскихъ. Онъ успокоился лишь тогда, когда узналъ, что гвардія безъ урона достигла Бѣлостока, что Дибичъ опять перешелъ за Бугъ и имѣетъ въ виду соединиться съ нею. Всю неудачу русскихъ онъ выводилъ изъ педальповидности Дибича, который послѣ сраженія при Гроховѣ не овладѣлъ Прагою, этими всегда открытыми для вылазокъ воротами, и тѣмъ не далъ совершенно другого оборота ходу кампаніи (\*). Клаузевицъ утверждалъ, что первая вылазка изъ Праги генерала Янковскаго должна была бы обратить вниманіе русскихъ на важность этого пункта и побудить ихъ овладѣть имъ во что бы то ни стало.... Стратегическія мѣры русскихъ приводили Клаузевица въ ужасъ. Три большія группы русской арміи, силою отъ 110—150,000 человекъ, съ 130-ю орудіями, занимали въ исходѣ марта протяженіе въ 60 миль; правое крыло ихъ, силою около 30,000 человекъ, тянулось отъ прусской границы почти до Буга, приблизительно на 20 миль; центръ главной арміи, быть можетъ около 60,000 человекъ, растягивался отъ Буга до Вепржа, также около 20 миль; лѣвое крыло занимало пространство отъ Вепржа до верхней Вислы, слѣдовательно еще до 20 миль (\*\*).

(\*) Графъ Осма Лубинскій, одинъ изъ тѣхъ генераловъ, которые остались вѣрны присягѣ императору Николаю Павловичу, рассказывалъ графинѣ Блаудовой (матери), что послѣ гроховскаго сраженія поляки считали свое дѣло рѣшительно проиграннымъ. Когда на военномъ совѣтѣ спросили у Хлоницкаго, какаѣ позиціи выгоднѣе для боя, онъ отвѣчалъ: «Если бы была малѣйшая надежда на успѣхъ, можно было бы выбирать позицію, а для того, чтобы умирать—все равно, куда ни поставить армію». Муниципалитетъ уже стоялъ у пражской заставы съ ключами города на подушкѣ, чтобы принять Дибича съ повинной головою.... Дибичъ, разумѣется, не зналъ этого. «Но въ нашей арміи, равно какъ въ Берлинѣ»—прибавляетъ графиня Блаудова—умами овладѣло сомнѣніе въ вѣрности Дибича и его главныхъ совѣтниковъ, графа Толя и Нейдгардта; посыпались клеветы, появились карикатуры; помню, между прочимъ, одну, представлявшую графа Дибича за клавишными, играющимъ аккомпаниментъ дуэта Нейдгардта съ Толемъ, которые, стоя сзади, поютъ: «еще Польша не стигла».... Между тѣмъ, извѣстно, что графъ Толя долго и сильно убѣждалъ есауларшаа довершить гроховскій ударъ взятіемъ Варшавы, и ручался за успѣхъ) (См. «Записки графини А. Д. Блаудовой», стр. 1,290—1291.) Т.

(\*\*) Клаузевицъ принадлежалъ къ числу тѣхъ честолюбивыхъ и высоко

Послѣ дѣла при Иганьѣ генералъ Клаузевицъ успокоился: отъ возврата къ паралельной борьбѣ, истекавшей изъ результатовъ этого дѣла, онъ ожидалъ всего лучшаго, потому что воинскую доблесть русской арміи ставилъ гораздо выше полянковъ.

ставившихъ себя инициею, которые прѣзжаютъ въ Россію съ цѣлію сдѣлать быстро и блистательную карьеру на избранномъ ими пути; но, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ и мечтахъ, возвращаются на родину съ затаенною злобою и оттуда начинаютъ порицать все русское, чтобы тѣмъ ярче выставить себя испривзанными гешами. Клаузевицъ поступилъ въ русскую службу изъ прусской въ 1812 году подполковникомъ генеральнаго штаба, но, въ продолженіе всей кампаніи, ничѣмъ особеннымъ, по своей части, не отличился, перешелъ въ 1813 г. въ русско-пьемонтскій легіонъ, гдѣ исправлялъ должность начальника штаба генерала графа Вальмодена, а по расформированіи этого легіона возвратился, уже въ чинѣ генералъ-майора, въ прусскую службу. Герцогъ Евгений Виртембергскій даетъ о немъ слѣдующій отзывъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (III, 6—7): «Клаузевицъ поступилъ въ русскую службу, подобно многимъ другимъ прусскимъ офицерамъ, которые, послѣ несчастныхъ событій 1806 года, считали наилучшимъ служить своему отечеству въ Россіи.... На пріязнь, встрѣченный имъ въ Россіи, онъ тѣмъ менѣе имѣлъ причинъ жаловаться, что занималъ себя офицеромъ умнымъ, теоретически образованнымъ и лично любезнымъ; но *его, быть можетъ, чрезмѣрными ожиданіями* противопоставилъ неодолимыя трудности: послѣднія судьбы прусской арміи рѣшительно не могли быть признаны истинною практическою школою для офицера еще молодого». Герцогъ прибавляетъ, что въ кампанію 1812 года Клаузевицъ, состоя при штабѣ 1-го кавалерійскаго корпуса, не имѣлъ случая даже слѣдить за ходомъ военныхъ событій, потому что и самый корпусъ находился въ условіяхъ второстепенныхъ, и въ тартутинскомъ лагерѣ самъ сознавался герцогу въ своемъ познѣйшемъ неважнѣйшемъ событій. Между тѣмъ, известно, что Клаузевицъ писалъ о войнѣ 1812 года; но онъ черпалъ, по свидѣтельству герцога Евгенія, изъ источниковъ, болѣею частью, недостоверныхъ, и всему придавалъ *мрачный* колоритъ *своего собственнаго мрачнаго* настроенія....

Такъ и о кампаніи 1831 года Клаузевицъ судилъ, сидя въ Познанѣ за письменнымъ столомъ и не зная ни голода, ни холода, ни дурныхъ дорогъ, ни тѣхъ безчисленныхъ помѣхъ, которыя пьютъ неотразимое вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій.

Не лишены интереса и нѣкоторыя характеристическія частности, сообщаемыя Брандтомъ о Клаузевицѣ.

По его словамъ, Клаузевицъ отличался замѣчательною вѣрностію взгляда на военныя дѣйствія, скоро дѣлалъ выводы изъ отдѣльныхъ движеній и маршей, точно рассчитывалъ быстроту и продолжительность переходовъ и заранее определялъ тѣ пункты, гдѣ должно было послѣдовать рѣшеніе. То, до чего впоследствии историки добивались съ трудомъ, что военные писатели, послѣ долгихъ изысканій, выставляли какъ квинтъ-эссенцію военной мудрости, Клаузевицъ сообщалъ мгновенно. По убѣжденію Брандта, этотъ генералъ-теоретикъ *былъ бы замѣчательнымъ стратегомъ, если бы имѣлъ вышій кругъ дѣятельности*; но на полѣ сраженія онъ былъ бы не на своемъ мѣстѣ: ему не доставало искусства воспламенить, электризовать войску, не по робости, не по неумѣлости, а по непривычкѣ къ командованію. Передъ воесками онъ чувствовалъ какую-то неловкость, а вдаль отъ нихъ это чувство пропадало. Въ бытность свою инспекторомъ силезской артилеріи, Клаузевицъ подходилъ на парадѣ къ офицерамъ, чтобы поговорить съ ними, но часто случалось, что,

Сраженіе при Остроленкѣ припесло намъ съ собою цѣлую массу новой работы; но о томъ, что происходило на южномъ театрѣ войны вслѣдствіе событій подъ Варшавою, мы ничего почти не знали. Остроленка устранила всѣ опасенія, возбудила новыя надежды и общала новыя успѣхи. Между тѣмъ, холера, похитившая столько жертвъ въ русской арміи и въ Варшавѣ, стала появляться, отдѣльными случаями, и въ нашихъ войскахъ, и страхъ передъ этою, тогда еще мало извѣстною, болѣзнію былъ такъ великъ, что самые разсудительные люди теряли голову и дѣлали глупости. Въ Познань пріѣхала изъ Парижа часть «медицинской комисіи» (commission médicale), въ составъ которой входили Шарль Лондъ, Алиберъ, Будоръ и другіе, болѣе или менѣе извѣстные, врачи; начальникомъ же ея былъ Бранденъ, человекъ умный и просвѣщенный, долго изучавшій въ Америкѣ различныя эпидеміи и написавшій о нихъ нѣсколько монографій. Въ іюлѣ прибылъ въ Познань русскій врачъ, съ рекомендательными письмами отъ военнаго министра графа Чернышева—ордипарный профессоръ московской медико-хирургической академіи, докторъ медицины и хирургіи Кильдюшевскій, прославившійся въ Москвѣ леченіемъ холеры. Представленная имъ офиціальная бумага (на французскомъ языкѣ) была слѣдующаго содержанія:

«Его величество государь императоръ, принимая во вниманіе, что холера, обнаружившаяся въ Варшавѣ, можетъ причинить тамъ тѣмъ большія опустошенія, что мѣстные врачи, каковы бы ни были ихъ дарованія и теоретическія познанія, не имѣютъ опытности необходимой въ этой эпидеміи, столько же губительной, сколько малоизвѣстной, полагаютъ, что было бы полезно послать туда врача искуснаго, имѣвшаго случай основательно изучить болѣзнь и дѣйствительныя средства ея леченія тамъ, гдѣ она свирѣпствовала. Съ этою цѣлю, его величество избралъ г. Кильдюшевскаго, ордипарнаго профессора императорской московской медико-хирургической академіи, представившаго несомнѣнныя доказательства своихъ дарованій, познаній и неутомимаго усердія какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ имперіи, гдѣ онъ былъ употребляемъ постоянно во время господствованія холеры. Вслѣдствіе того, профессоръ Кильдюшевскій имѣетъ отправиться чрезъ владѣнія его величества короля прусскаго въ городъ Познань, гдѣ находится главная квартира фельдмаршала графа Гней-зепана, главнокомандующаго прусскою королевскою арміею, собранной

подошелъ къ тому или другому офицеру, онъ только взглядывалъ на него и, не сказавъ ни слова, уходилъ. Офицеры говорили, что генералъ Клаузевицъ подходилъ къ нимъ для того, чтобы *отмолчаться*.

Т.

на границахъ Царства Польскаго, съ тѣмъ, чтобы отсюда его сіятельство, извѣщенный о высокихъ намѣреніяхъ государя императора, нашелъ случай послать г. Кильдюшевскаго въ Варшаву.

«Такъ какъ путешествіе доктора Кильдюшевскаго не имѣетъ другой цѣли, кромѣ облегченія страждущаго человѣчества, подашія опытной помощи въ болѣзни, опустошающей городъ Варшаву, то его величество надѣется, что онъ, Кильдюшевскій, останется тамъ до прекращенія эпидеміи, и что при исполненіи возложенной на него обязанности окажетъ то же рвеніе, то же самоотверженіе, которыя онъ явилъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, и которыми приобрѣлъ справедливыя права на общую признательность и на благоволеніе нашего августѣйшаго монарха.

«Отдавъ себя, относительно леченія больныхъ въ Варшавѣ, въ полное распоряженіе тѣхъ властей, которымъ этотъ городъ будетъ повиноваться во время пребыванія тамъ г. Кильдюшевскаго, онъ, Кильдюшевскій, не будетъ имѣть никакихъ сношеній или корреспонденцій, ни официальныхъ, ни частныхъ, съ имперіей и съ императорскою арміей, дѣйствующею въ Царствѣ, чтобы не подать повода злонамѣренности въ подозрѣнію. Лишь только холера прекратится въ Варшавѣ, г. Кильдюшевскій долженъ возвратиться въ Петербургъ, и только тогда отдастъ онъ отчетъ его императорскому величеству о результатахъ его посланки и о томъ, на сколько онъ могъ быть полезенъ.

«Сообщая сіе высочайшее повелѣніе, генералъ-адъютантъ, управляющій главнымъ штабомъ его величества и военный министръ, графъ Чернышевъ, имѣетъ честь извѣстить г. Кильдюшевскаго, что онъ долженъ отправиться въ путь немедленно по полученіи паспорта, о чемъ уже сдѣлано распоряженіе».

«Генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ».

«С-Петербургъ, 10-го (22-го) мая 1831».

Графъ Чернышевъ просилъ фельдмаршала Гнейзенау постараться отправить доктора Кильдюшевскаго въ Варшаву, а фельдмаршалъ поручилъ мнѣ сопровождать его до польскихъ форпостовъ и основательно ознакомить съ положеніемъ дѣлъ не только въ Варшавѣ, но въ Калишѣ и въ другихъ пунктахъ, чтобы поставить профессора въ возможность начертать свой операціонный планъ. Я отправился съ добрымъ докторомъ въ Остроно. Здѣсь, подъ разумнымъ начальствомъ командовавшаго генерала Цастрова, сами собою установились пріятныя сношенія съ польскими пограничными вѣдомствами, и пото-

му отсюда было всего удобнѣе вступить въ связь и съ русскими начальствующими лицами.

По прибытіи въ Острово, я написалъ, при посредствѣ генерала Цастрова, къ польскому генералу Берпацкому, командовавшему въ Калишѣ, выразивъ ему желаніе передать нѣсколько сообщений по дѣлу чисто гуманному, и просилъ его прислать на границу одного изъ своихъ адъютантовъ, чтобы назначить время и мѣсто свиданія. Берпацкій отвѣчалъ скоро и вслѣдъ затѣмъ прислалъ къ пограничному шлагбауму своего адъютанта. Офицеръ былъ человѣкъ разсудительный; онъ увѣрилъ меня, что не колебался бы взять съ собою въ Калишъ доктора Кильдюшевскаго, по прибавилъ откровенно:—«Вы знаете, каковы поляки. Я опасюсь, что они падѣлаютъ всякаго рода оскорбленій доброму доктору и потомъ прикроютъ патриотизмомъ свои гнусности. А если бы я попытался убѣждать ихъ, то меня самого заподозрили бы, какъ врага отечества, и я подвергся бы всяческимъ случайностямъ....» Берпацкій вызвался, однако, отправить письмо графа Чернышева къ варшавскому правительству и прислать мнѣ отвѣтъ. Спустя нѣсколько дней, 13-го іюня, дѣйствительно полученъ былъ отвѣтъ, въ которомъ варшавское правительство отклонило весьма вѣжливымъ образомъ сдѣланное ему предложеніе. «Вполнѣ оцѣнивая чувства человеколюбія»—писало оно мнѣ—«побудившія прислать г. Кильдюшевскаго, и обязательную готовность, обнаруженію прусскими военными властями по сему случаю, признано было, что, въ виду спеціальнаго назначенія этого врача, прїѣздъ его въ Варшаву оказался бы бесполезнымъ, ибо холера уже утратила свой ожесточенный характеръ до такой степени, что число больныхъ ею крайне незначительно, и, притомъ, попеченія медиковъ столицы были достаточны для ослабленія успѣховъ эпидеміи. Благоволите, господишъ маіору, выразить г. Кильдюшевскому наше сожалѣніе въ томъ, что мы не могли воспользоваться предложеніемъ его услугъ».

Я возвратился съ моимъ докторомъ въ Познань, откуда онъ, спустя нѣсколько дней, былъ, по желанію генерала Вицлебена, посланъ въ Данцигъ. Здѣсь, а потомъ и въ Берлинѣ, этотъ свѣдущій и вѣрный своему долгу врачъ былъ весьма полезенъ въ холерныхъ лазаретахъ.

Тѣмъ временемъ получены были извѣстія о ходѣ сраженія подъ Остроленкою. Фельдмаршалъ Гейзенау читалъ ихъ съ живымъ участіемъ и неоднократно отзывался съ похвалою о храбрости русскихъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ іюні, насъ удивило извѣстіе о прибытіи въ главную русскую квартиру генералъ-адъютанта графа Орлова, будто

бы для сформированія двухъ независимыхъ одна отъ другой армій, которыя, однако, должны были дѣйствовать по одному общему плану. Такъ, по крайней мѣрѣ, тогда рассказывали. Наконецъ пришло извѣстіе и о послѣдовавшей 10-го іюня кончинѣ графа Дибича. Прусскій врачъ, докторъ Кохъ, лечившій фельдмаршала во время его непродолжительной болѣзни, сообщилъ намъ слѣдующія подробности объ этой катастрофѣ.

Фельдмаршалъ, перенесшій свою главную квартиру въ Клецево, деревню близъ Пултуска, былъ, наканунѣ своей кончины, очень веселъ и съ большимъ апетитомъ кушалъ за обѣдомъ клецки, свинину и вареные плоды. Подъ-вечеръ, когда погода послѣ дождливаго дня нѣсколько прояснилась, онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ адъютантовъ, пошелъ гулять, дорогою сломилъ съ дерева сукъ, опираясь на него, поднялся на небольшую гору, съ которой можно было обозрѣть окрестность, и пробылъ здѣсь довольно долго. Фельдмаршалъ много рассказывалъ о сраженіи при Пултускѣ, гдѣ получилъ первый орденъ, и затѣмъ столь же веселый сошелъ съ горы. Вскорѣ по возвращеніи онъ почувствовалъ ознобъ. Послѣ напрасныхъ стараній согрѣться чаемъ, принужденъ былъ лечь въ постель, а въ два часа ночи у него уже обнаружилась холера со всѣми своими симптомами. Врачъ надѣялся сначала побороть болѣзнь, но тщетно. Въ часъ по полудни 10-го іюня (п. ст.) 1831 года графъ Дибичъ скончался.... Быть можетъ, онъ поѣлъ за столомъ неумѣренно и простудился на горѣ, взираясь на которую вполнѣлъ при своей тучности; быть можетъ также, къ этому присоединились душевное волненіе, искусственное раздраженіе нервовъ — все это были вполнѣ достаточныя причины прилечь къ себѣ холеру. Но всѣ мы знаемъ, какъ быстро распространились тогда самые зловѣщіе слухи и выдержки по поводу смерти фельдмаршала... (\*).

20-го іюля, въ десять часовъ, тѣло фельдмаршала Дибича было привезено въ предѣлы Пруссіи и поставлено во временномъ складѣ въ Йоганисбургскомъ Лѣсу, по близости карантина у Дютова. Полковникъ князь Трубецкой, флигель-адъютантъ ротмистръ Притвицъ, племянникъ покойнаго, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка полковникъ Пиморинскій, командиръ кирасирскаго припца Альберта полка Мейендорфъ и многіе другіе офицеры сопровождали смертные останки фельдмаршала; двѣ пушки, два эскадрона кирасировъ припца Альберта полка, двѣ роты 1-го гренадерскаго полка и команда изъ Випценци

(\*) Современникамъ извѣстна ходившая тогда молва, будто Дибичъ отравился съ отчаянія и страха отъ своей будто-бы неизлечимости...  
Т.

составляли военный конвой. Прусскій генералъ Виттхъ и двѣ роты 1-го егерскаго отдѣленія, съ музыкою, встрѣтили тѣло на границѣ и тотчасъ же открыли шествіе. Понемножечку офицеры слѣдовали впередъ, за ними два причетника изъ солдатъ; потомъ священникъ, съ иконою Божіей Матери, и, наконецъ, везомая шестью, покрытыми черными попонами, лошадьми, погребальная колесница, на которой стоялъ желтый двойной гробъ. По сторонамъ колесницы шли адъютанты покойнаго, Нарышкинъ и Бутурлинъ; за гробомъ, на которомъ лежали шляпа, шпага и черныя (?) перчатки усопшаго, былъ вѣдомъ его конь; шествіе замыкалось русскими войсками. Прусскія же войска слѣдовали поодаль, чтобы держать въ надлежащемъ разстояніи собравшійся народъ.

Мѣсто временнаго погребенія фельдмаршала, устроенное по плану инспектора работъ Фохта, отличалось простотою и вкусомъ, и отстояло слишкомъ на тысячу шаговъ отъ Дзотова и на столько же въ сторону отъ дороги въ Іоганнсбургъ, на площадѣ, окруженной еловымъ лѣсомъ. Это было небольшое деревянное зданіе, обитое чернымъ сукномъ; лицевая сторона была украшена русскими національными флагами и трофеями остролепскаго сраженія; внутри возвышался катафалкъ, обильно убранный цвѣтами и окруженный многочисленными восковыми свѣчами. Когда колесница подъѣхала, офицеры подняли гробъ и на шарфахъ опустили его въ склепъ. Затѣмъ дверь была замурована.

2-го сентября гробъ былъ перевезенъ въ Тильзитъ; 8-го сентября онъ достигъ Мемеля и поставленъ на прилично-украшенный паромъ, долженствовавшій подойти къ пароходу «Ольга», ожидавшему на рейдѣ; но буря была такъ сильна, что только на другой день могъ быть перевезенъ гробъ, встрѣченный двадцатью однимъ пушечнымъ выстрѣломъ. Въ продолженіе всего этого времени, варауль содержали тридцать прусскихъ егерей, при одномъ офицерѣ: собственнаго при гробѣ стояли на часахъ русскіе унтеръ-офицеры.

Таково было удаленіе фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго изъ предѣловъ Пруссіи, гдѣ онъ родился и гдѣ, во время послѣдняго его пребыванія, ему оказаны были столь заслуженныя имъ почести (\*).

(\*) Въ послѣднее пребываніе свое въ Берлинѣ, фельдмаршалъ пользовался такою популярностію, что у «Hôtel de Rome», гдѣ онъ жилъ, толпы народа собирались ждать, когда онъ выходилъ садиться въ карету, и встрѣчали его восторженными «viva!» Театръ былъ полонъ, если ожидали въ немъ Дибича. «Записки графини А. Д. Блудовой», стр. 1,262. Т.

Изъ дальнѣйшаго разсказа Брандта мы извлечемъ только тѣ факты, которые или мало извѣстны, или и вовсе неизвѣстны, и не должны быть потеряны, какъ матеріалъ для исторіи польскаго возстанія 1830—1831 года.

Послѣ извѣстія о паденіи Варшавы, прусское военное начальство считало себя въ правѣ предполагать, что прусская граница, если бы поляки бросились на правый берегъ Вислы, будетъ нарушена, и даже сдѣлается театромъ военныхъ дѣйствій. По этой причинѣ, рѣшено было охранить границу отъ вторженія польскихъ бандъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать войска на случай болѣе важныхъ событій. Войска 3-го армейскаго корпуса, занимавшія дотолѣ Бромбергъ и окрестности, были выдвинуты къ Торну, гдѣ командовавшій пограничнымъ отрядомъ генералъ Цепелинъ долженъ былъ войти въ связь слѣва съ войсками 1-го корпуса (Виттиха), а справа съ войсками 5-го корпуса, авангардомъ которыхъ командовалъ генералъ Врангель. Дѣйствительно, скорѣ получены были извѣстія, что на границахъ показался всякій сбродъ, вооруженный и безоружный, что бѣглецы повсюду переходили границу; разнесся даже слухъ о приближеніи воюющихъ армій.... Бѣжавшіе говорили, что переговоры между русскими и поляками прерваны, и что русскіе возобновили 24-го (12-го) сентября военныя дѣйствія. Маіоръ Брандтъ, состоявшій въ отрядѣ генерала Цепелина въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, былъ посланъ въ Страсбургъ (Брадницу), на Древенцъ, для собранія точныхъ свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій. Скорѣ генералъ Цепелинъ перенесъ свою главную квартиру изъ Торна въ Страсбургъ. Здѣсь отъ бѣжавшихъ изъ Варшавы узнали, что польская армія отступила чрезъ Яблонице къ Модлину, и что поляки, собравшіеся въ этой крѣпости, готовились продолжать сопротивленіе. Комисары революціоннаго правительства разослали изъ Закрочина приказанія въ такомъ смыслѣ, какъ будто ничего не случилось. Удаленіе Скрипицкаго произвело величайшую дезорганизацію; преемники его, Дембинскій, Круковѣцкій и Малаховскій, оказались безсильными возстановить порядокъ, а слѣдовавшіе за ними еще менѣе. Наконецъ, сдача Варшавы произвела между поляками неописанное уныніе. Преслѣдованіе корпуса Ромарино генералами Кайсаровымъ и Ридигеромъ и переходъ этого корпуса (15—16-го сентября) въ Галицію очистили правый берегъ Вислы отъ мятежниковъ. Оставалось уничтожить главныя ихъ силы; но, прежде чѣмъ приступить къ этой крайней мѣрѣ, на генерала Берга возложено было начать переговоры о капитуляціи. Вотъ что разсказывали Брандту начальники штаба польской

арміи Левинскій и полковникъ Клементовскій. «Послѣ неоднократныхъ совѣщаній, генералъ Бергъ условился съ генераломъ Моравскимъ съѣхаться въ Новодворѣ. Все, казалось, принимало благоприятный оборотъ, какъ вдругъ генералъ Бергъ увидѣлъ въ окопъ русскаго парламентаря, сопровождаемаго нѣсколькими польскими офицерами, на лицахъ которыхъ выражалось смущеніе. Зная очень хорошо положеніе дѣлъ, генералъ Бергъ сейчасъ догадался, что случилось что-нибудь особенное, и притомъ благоприятное для русскихъ. Поляки, правда, не допустили русскаго офицера, но генералъ Бергъ, какъ бы ничего не замѣчая, сталъ пеговорчивѣе и наконецъ объявилъ, что не можетъ согласиться на польскія условія. Когда засѣданіе было прервано, пришелъ русскій офицеръ и доложилъ генералу о судьбѣ корпуса Гомарино. Хотя позже переговоры и были возобновлены, но подъ условіемъ абсолютной покорности польской арміи, сдачи Модлина и проч.

Отъ прибывавшихъ ежечасно въ Страсбургъ бѣглецовъ изъ арміи, отъ сенаторовъ, делегатовъ, комиссаровъ, офицеровъ, чиновниковъ, въ прусской главной квартирѣ узнавали все, что происходило въ польскомъ лагерѣ въ Закрочинѣ, въ Модлинѣ и въ Варшавѣ. Слѣдя Рыбинскаго, назначеніе Уминскаго главнокомандующимъ, движеніе въ Плоцку, совѣщаніе въ Слупно, бѣгство Уминскаго, вторичное избраніе Рыбинскаго, бѣгство президента революціоннаго правительства Нѣмовскаго, скрывавшагося нѣкоторое время близъ Остѣка, наконецъ всѣ признаки начинавшагося полнаго распаденія—все это было извѣстно пруссакамъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ послѣднихъ числахъ сентября. Прусскія военныя начальства, считая возможнымъ, что поляки перенесутъ войну на лѣвый берегъ Вислы и будутъ оттѣснены или въ Западной Пруссіи, или въ Познань, расположили свои войска (четыре корпуса подъ начальствомъ генералъ лейтенанта Кюзебека, заступившаго мѣсто фельдмаршала Гейбенау, который умеръ отъ холеры) такъ, чтобы они могли быть быстро сосредоточены на рѣшительныхъ пунктахъ. Тѣмъ временемъ, поляки, прижатые къ границѣ и расположившіеся у Будъ и Голково, прислали парламентарьевъ о дозволеніи имъ отступить въ предѣлы Пруссіи. Девять генераловъ, 64 штабъ-офицера, 368 субалтернъ-офицеровъ, 19,357 пѣшихъ чиновъ, съ 95 орудіями, положили оружіе; потомъ прибыли еще 73 офицера, въ томъ числѣ 25 штабъ-офицеровъ. 5,280 кавалерійскихъ и 2,556 артилерійскихъ лошадей были конфискованы. Со включеніемъ тѣхъ, которые перешли границу у Гур-

жно, Голлуба и Торпа, Брандтъ считаетъ всего до двадцати тысячъ человекъ, съ слишкомъ двумя тысячами офицеровъ или такихъ, которые имѣли офицерскіе чины.

«Такъ кончилась русско-польская война», говоритъ Брандтъ; «трудности для русской арміи были устранены; для насъ онъ только что начались и причинили намъ, кромѣ издержекъ, множество неудобствъ и всякаго рода клеветъ, продолжавшихся многіе годы. Дѣло это нынѣ забыто; но на вѣки останется истинною то, что поляки явили себя въ высшей степени неблагодарными за гостепріимство и спосходительность, оказанныя имъ прусскимъ правительствомъ. Я далеко приписывать это *осъмъ*, но, не преувеличивая, скажу, что очень многіе офицеры подали къ тому поводъ, и что они поставили себѣ задачей удержать солдатъ, желавшихъ возвратиться въ отечество, всякаго рода интригами. Каждый изъ офицеровъ пришелъ къ намъ съ шляхетскою заваскою, такъ что и у насъ начались тѣ же козни, какими иѣкогда отличались польскіе сеймы, какія еще недавно господствовали въ демократическихъ клубахъ Варшавы, этихъ приютиахъ самыхъ ослѣпленныхъ страстей».

Генералъ Цепелицъ, считавшій нужнымъ лично переговорить съ фельдмаршаломъ княземъ Паскевичемъ, взялъ Брандта съ собою.

«Мы нашли князя въ одноэтажномъ бѣдномъ домѣ. Онъ принялъ насъ весьма радушно. По причинѣ контузіи, полученной на штурмѣ Варшавы, рука его была еще на перевязи. Много говорилъ фельдмаршалъ о только-что кончившейся кампаніи, разспрашивалъ о томъ и о другомъ, о матеріалѣ сданномъ поляками, о иѣкоторыхъ знакомыхъ лицахъ. Въ движеніяхъ своихъ онъ имѣлъ что то безпокойное, наклонился, когда сидѣлъ, то въ одну, то въ другую сторону, а впрочемъ во всей наружности и въ костюмѣ его не было ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что волосы были старательно причесаны. Только въ глазахъ таилось что-то элегическое, если могу такъ выразиться, и скорѣе онъ походилъ на доктора, чѣмъ на воина. Говорилъ князь медленно и казался погруженнымъ въ глубокую думу. Онъ любезно пригласилъ насъ къ обѣду, за которымъ собралось человекъ тринадцать или четырнадцать. Разговоръ ограничивался преимущественно европейскими дѣлами, лишь иногда рѣчь заходила о минувшей кампаніи и о событіяхъ въ Варшавѣ. Самъ фельдмаршалъ рѣдко вышкивался въ разговоръ, и то, большею частію, только вопросами, когда его что-либо интересовало или когда онъ вспоминалъ что-нибудь. Тутъ генералъ Бергъ явился переводчикомъ на разныхъ языкахъ, столько же искуснымъ, сколько

и осторожнымъ. Такъ какъ генералъ Цепелинъ плохо зналъ по-французски, то, желая говорить съ княземъ, обращался въ помощи генерала Берга. За обѣдомъ пили только шампанское, и притомъ изъ большихъ стакановъ. Тостъ, провозглашенный краспорѣчивымъ Цепелиномъ въ честь фельдмаршала, можно было бы назвать классическимъ: такъ умно ораторъ сочеталъ въ немъ все важное, современное и пріятное. Генералъ Бергъ тотчасъ же перевелъ тостъ по-французски, равно и отвѣтъ князя, по заключавшій въ себѣ, впрочемъ, ничего особенно замѣчательнаго».

Вскорѣ послѣ этого визита покорителю Варшавы, командующій первую прусскую армію, генералъ-лейтенантъ Крафтъ, поручилъ Браунту отправиться къ князю для переговоровъ объ амнистіи. Крафтъ, участвовавшій некогда въ кампаніи 1795 года и бывшій свидѣтелемъ тѣхъ затрудненій, которыя повлекла за собою радостная капитуляція и какъ потомъ изъ нея истекло сформированіе польскихъ легіоновъ въ Италіи, понималъ очень хорошо, что, прежде всего, надлежало выпроводить изъ Пруссіи, какъ можно скорѣе, толпы этихъ людей и не дать французамъ воспользоваться такимъ большимъ числомъ старослуживыхъ солдатъ. Въ этомъ смыслѣ приказалъ онъ передать фельдмаршалу Паскевичу мнѣніе прусскихъ властей объ амнистіи. Браунтъ не засталъ князя Варшавскаго въ его главной квартирѣ: онъ уѣхалъ въ Петербургъ; должность его исправлялъ генералъ Паленъ 1-й.

«Я немедленно былъ допущенъ къ генералу Палену», рассказываетъ Браунтъ, «по една упомянулъ о своемъ порученіи, имѣвшемъ цѣлю полную и совершенную амнистію» (*amnistie pleine et entière*), какъ генералъ воскликнулъ съ живостию:

— «Изъ этого ничего не выйдетъ! Мнѣніе генерала Крафта объ эмиграціи—призракъ, котораго печего болтъся. Противъ всѣхъ послѣдствій подобнаго предположенія мы счѣмъ приплыть мѣры».

«На замѣчаніе мое, что генералъ Крафтъ признаетъ это дѣло не только политически-важнымъ, но и гуманнымъ, потому что тысячи были бы избавлены отъ ссылки и отъ сопряженныхъ съ нею бѣдствій, а Россія не лишилась бы множества рабочихъ рукъ, генералъ Паленъ отвѣчалъ, что «поляки потопили (поуѣ) всѣ симпатіи къ нимъ въ русской крови, и что нежелательно возвращать государству элементы, которые заявили себя столь враждебными Россіи».

— «Вы не повѣрите», продолжалъ генералъ, «сколько людей, денегъ и жертвъ всякаго рода стоило все это!... Россія припесла много, слишкомъ много большихъ жертвъ, что бы доказать роман-

тическимъ поступкомъ, что кровь ея дѣтей, ея арміи была пролита и пожертвована напрасно»....

— «Ваше сіятельство», сказалъ я, «постараюсь передать моему генералу ваши слова въ возможной точности, но мнѣ приказано еще объявить положительно, что прусское правительство отрекается отъ всякихъ послѣдствій этой мѣры».

Перешедшіе въ предѣлы Пруссіи поляки стали, между тѣмъ, злоупотреблять правомъ гостепріимства въ такой степени, что уже послѣ того, какъ прусскія войска были расположены по широкимъ квартирамъ, Брандтъ, воротившійся въ Берлинъ, получилъ новое порученіе.

— «Поляки, пожаловавшіе къ намъ», сказалъ ему генералъ-адъютантъ Вицлебепъ, «дурно платятъ намъ за гостепріимство и всячески безобразничаютъ. Король повелѣлъ вамъ немедленно ѣхать въ Данцигъ, условиться тамъ съ полковникомъ Капицею и постараться выпроводить неудобныхъ гостей. Генералы уже получили, по этому предмету, инструкціи».

Полковникъ Капиць и майоръ Брандтъ полагали, что, прежде всего, необходимо было удалить поскорѣе солдатъ отъ вреднаго вліянія офицеровъ, раздѣлить ихъ на категоріи, смотря по тому, на сколько были компрометированы, и затѣмъ, по объявленіи амнистіи, отправить ихъ обратно въ Царство Польское, или же выслать въ другія государства.

«Чтобы привести все это въ дѣйствіе, надлежало употребить усиленный трудъ и войти въ соглашеніе съ генералами, командовавшими въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были водворены поляки: Шмидтомъ въ Мариенбургѣ и Роммелемъ въ Эльбингѣ. Оба эти генерала были въ высшей степени раздражены противъ поляковъ. Они рассказывали, что польскіе гости въ полной неурядицѣ, не повинуются никакимъ приказаніямъ и находятся цѣлкомъ въ рукахъ немощныхъ интригантовъ, которые употребляютъ всѣ усилія отклонить солдатъ отъ возвращенія на родину и открыто терроризуютъ всѣхъ, объявившихъ себя готовыми принять амнистію. Въ Эльбингѣ я имѣлъ случай коротко узнать развѣтвленія этого обширнаго кова. Всѣ добивались быть отосланными во Францію *«en corps formé»* и тамъ вновь вступить въ военную службу тѣми же чинами. Лишь только я пріѣхалъ, меня штурмовали отовсюду. Всѣ хотѣли быть выслушаны и удовлетворены; одинъ требовалъ того, другой хотѣлъ много; всѣ высказывали свои просьбы, жалобы, желанія, надежды и опасенія...»

Больше всего было хлопотъ съ такъ называемымъ генераломъ Бемомъ (\*). Вотъ что повѣствуетъ Брандтъ:

«Бема можно было назвать *злымъ душою* въ польскомъ дѣлѣ; онъ являлъ себя дерзкимъ и безсовѣстнымъ во всемъ, что касалось революціи, и его особенно подлежало удалить поскорѣе. Онъ самъ подавалъ мнѣ удобный въ тому случай. Въ разговорѣ онъ сказалъ, что ему было бы очень желательно уѣхать немедленно. Когда я возразилъ, что едва-ли онъ думаетъ такъ, Бемъ сталъ увѣрять меня «честнымъ словомъ», что готовъ ѣхать хоть сегодня.

— «Въ такомъ случаѣ, вы завтра же получите паспортъ».

«Слова мои озадачили его; но, быстро спохватившись, онъ прибавилъ:

— «Съ условіемъ, чтобы меня не задержали въ Кюстринѣ».

— «Что этого не случится, я, въ свою очередь, даю вамъ честное слово».

«Бему, разумѣется, не оставалось ничего болѣе, какъ покориться. Чтобы успокоить его, я сказалъ, что онъ можетъ взять съ собою весь свой штабъ, и что я безотлагательно извѣщу о томъ штабныхъ чинowników. На другой день, онъ, дѣйствительно, уѣхалъ съ четырьмя офицерами. Такимъ образомъ мы избавились отъ личнаго вліянія этого коварнаго и безчестнаго революціонера; но Бемъ соткалъ и разставилъ свою сѣть такъ ловко, выбралъ и распредѣлилъ своихъ помощниковъ и пособниковъ такъ предусмотрительно, что, несмотря на его отсутствіе, пагубное вліяніе его еще долго оставалось почти неизмѣнимымъ и повсюду сѣяло и поддерживало смуту».

Дипломатическіе переговоры привели, между тѣмъ, къ тому, что русское правительство согласилось дозволить возвращеніе въ Царство Польское всѣмъ тѣмъ военнымъ чинамъ, которые не были виноваты въ преступныхъ козняхъ и въ измѣнѣ, по, увлеченные событіями,

(\*) Брандтъ слышалъ отъ товарищей этого революціонера, что предки его назывались не «Ветъ», а «Воейтъ» и, переселившись во Францію какъ ландкнехты, поступили во французскую службу подъ именемъ «Весме». Нѣкоторые утверждали даже, что предокъ Бема принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые умертвили адмирала Козинь и что послѣ этого онъ унесъ съ герцога Анжуйскаго въ Польшу. Впоследствии Бема переселили въ Галичину, гдѣ отецъ революціонера былъ адвокатомъ, а братъ викаріемъ въ Краковѣ. Изъ бывшей польской арміи Бемъ былъ, несмотря на свои способности, удаленъ за сварливый и неуживчивый нравъ. Варшавская революція вызвала его на широкую дѣятельность. Обладая замѣчательнымъ организаторскимъ талантомъ, хорошо зная военное дѣло, но особенно какъ отъявленный демократъ, Бемъ скоро возвысился, и при Остроленкѣ, гдѣ онъ отличился, уже командовалъ всюю артилеріей мятежниковъ. Участіе его въ венгерской кампаніи, переходъ къ Турціи и ренегатство извѣстны.

взялись за оружіе. Весьма много генералы и штабъ-офицеры, въ томъ числѣ генералы Малаховскій, Левинскій, Волчинскій, Сухочевскій, полковники Хоржевскій, Клементовскій, Угльсонъ и другіе, равно и много солдаты, поспѣшили воспользоваться этимъ дозволеніемъ. Изъ амнистіи изъяты были только ученики школы подпоручиковъ и захваченные революціонеры и заговорщики, всѣмъ извѣстныя. Въ половинѣ декабря, при Страсбургѣ перешли границу и были приняты полковникомъ барономъ Зедделеромъ два отдѣленія солдатъ, въ 736 и въ 849 человекъ. Баронъ Зедделеръ поставилъ ихъ въ кругъ, еще разъ объявлялъ имъ повелѣніе объ амнистіи и предложилъ всякому, кто признавалъ за собою тяжкую вину, снова вернуться въ предѣлы Пруссіи. *Ни одинъ человекъ не заявилъ себя такимъ.* Большинство солдатъ были отпущены по домамъ съ содержаніемъ, а раненые и инвалиды причислены къ ротамъ ветерановъ.

Франція, съ своей стороны, вызвалась принять офицеровъ бывшей польской арміи. Съ 22-го по 31-е декабря 1832 года Брандтъ отправилъ туда восемьсотъ пятьдесятъ офицеровъ.

Брандтъ не ошибся, назвавъ Бема «злымъ духомъ». Дѣла, послѣ его удаленія, пошли не лучше, а хуже. Поселившись въ Дрезденѣ, Бемъ поджигалъ оттуда своихъ земляковъ къ сопротивленію. Онъ посылалъ хозяину гостиницы «Разношерстнаго Козла» (zum bunten Bock) значительныя суммы на пособіе «нуждающимся», т. е. тѣмъ, которые соглашались быть орудіями революціонной пропаганды. Въ то же время повсюду отправлены были эмисары для систематическаго подкупа такихъ лицъ. Солдаты, даже офицеры, принявшіе амнистію, были оскорбляемы словомъ и дѣломъ. Нѣкоторые транспорты, направленные къ русской границѣ, были такъ обработаны эмисарами, что люди разбѣгались и копьевые доставляли на мѣста перехода чрезъ границу, большею частію, лишь отдѣльныя личности. Тотъ же духъ обнаружился и въ мѣстахъ расквартированія поляковъ. Безобразія «любезныхъ гостей» дошли до того, что округа, въ которыхъ они были подворены, громко требовали изгнать ихъ отъ «невыносимыхъ» постояльцевъ. Но что же случилось, когда приказано было переселить стропивыхъ ляховъ въ другія мѣста? Артилерія Бема, 4-й полкъ и нѣсколько кавалерійскихъ полковъ формально отказались повиноваться, назвали принятую прусскимъ правительствомъ мѣру уловкою передать ихъ въ руки русскихъ, и требовали подворить ихъ на лѣвомъ берегу Вислы. Того же требовали восемьсотъ бунтовщиковъ, ворвавшихся въ Дирнау. Въ Эльбингъ

нахлынуло до тысячи поляковъ и они были образумлены только вмѣшательствомъ войскъ.

Вслѣдствіе полученнаго изъ Берлина приказанія, основаннаго на соглашеніи съ русскимъ правительствомъ, назначены были комисіи изъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ для распределенія польскихъ мятежниковъ по категоріямъ. «Если бы не разсѣянные повсюду интриганты и эмисары», говоритъ Брандтъ, «дѣло это могло бы быть впрочемъ легко и скоро, такъ какъ вліятельнѣйшіе изъ академиковъ, клубистовъ и всякаго рода крикуновъ давно были выпровождены во Францію». Случилось иначе. Собранные въ Фишау, поляки были обильно угощаемы въ кабакахъ неизвѣстною рукою. — «Зачѣмъ созвали насъ сюда?» кричали они. «Къ чему дѣлать насъ на разряды? мы всѣ замѣшаны въ бунтъ и не отречаемся отъ того...» Часть бунтовщиковъ хотѣла двинуться къ Мариенбургу; другая направилась къ дому, гдѣ помѣщались члены комисіи. Поляки стали задирать прусскихъ солдатъ; крестьяне заступились за своихъ... ссора усиливалась съ минуты на минуту... Вдругъ кто-то изъ поляковъ заигралъ на скрипкѣ мазурку Хлопцакого и вся масса, вооруженная дубинами, ринулась на роту солдатъ, охранявшую засѣданія комисіи. Ротный командиръ, передъ тѣмъ долго и напрасно старавшійся успокоить поляковъ, приказалъ стрѣлять: девять человекъ были убиты, многіе переранены и вся шайка, будто по командѣ, упала на землю, а потомъ разбѣжалась.

Это событіе произвело раздраженіе между тѣми поляками, которые уже согласились на классификацію по категоріямъ.

«Вотъ каковы господа пруссаки», говорили они: наобѣщали золотыя горы, а сами стрѣляютъ въ насъ...» Мало по малу, однако, спокойствіе стало возстановляться, когда сѣятели смутъ увѣрились, что пруссаки шутить не любятъ, и комисіи кончили возложенное на нихъ порученіе. Къ 27-му числу февраля 1832 года семьсотъ тридцать семь офицеровъ воззрѣли на Царство Польское; къ 16-му февраля тысяча тридцать девять отправлены во Францію; около девяноста природныхъ русскихъ или австрійцевъ остались, въ ожиданіи рѣшенія ихъ дѣла. Изъ утѣрь-офицеровъ и нижнихъ чиновъ добровольно вернулся домой къ началу 1832 года 8,586 человекъ; 368 были отпущены какъ иностранцы; 210 прусскихъ уроженцевъ были отосланы въ мѣста ихъ жительства; 4,195 оставались еще по обѣимъ берегамъ Вислы; 624 русскихъ подданныхъ находились въ Фрауенбургѣ и въ Тильзитѣ. Комисіи признали сильно компрометированными 165 человекъ; по 2,646 требовали, чтобы и ихъ вклю-

чили въ эту категорію, потому что не желали возвращаться на родину. Около двухъ съ половиною тысячъ не оказалось на лицо при составленіи имѣнныхъ списковъ.

«Впослѣдствіи», говоритъ Брандтъ, «распространено было множество гнусѣйшихъ клеветъ объ обращеніи прусаковъ съ поляками. Говорили, что поляковъ не кормили, тогда какъ они были продовольствуемы у хозяевъ, да кромѣ того получали по нѣскольку зильбергрошей жалованья, больше нежели сколько имъ платили въ бывшей арміи. Въ газетахъ писали, что поляки ходили чуть не нагіе, а на самомъ дѣлѣ имъ выдавы были шипели, рубашки, башмаки. По словамъ журналистовъ, прусакъ обращались съ поляками самымъ грубымъ образомъ, между тѣмъ какъ всѣ начальствующія лица, отъ высшаго до низшаго, заботились только о строжайшемъ соблюденіи законнаго порядка».

По свидѣтельству Брандта, поляки, во всѣхъ своихъ козняхъ, дѣйствовали противъ прускаго правительства точно такъ же, какъ они работали противъ правительства русскаго до взрыва революціи въ Варшавѣ. Организованы были формальныя конторы, гдѣ сочинялись лживыя извѣстія. Путешественники распространяли ихъ, а журналисты трубили о томъ на весь міръ.

Главнымъ двигателемъ всей этой махинаціи былъ тотъ же Бемъ, прожизнавшій, какъ сказано, въ Дрезденѣ. Въ 1831—1832 годахъ онъ служилъ центромъ всѣхъ польскихъ козпей; усердѣйшими и самыми ловкими пособниками его были графъ Гауке, сынъ военнаго министра, убитаго подпрапорщиками въ Варшавѣ (29-го (17-го) ноября 1830 года, авантюристъ маіоръ Фергесъ (Fergues) и американинецъ Гоу (Howe), выдававшій себя за президента американо-польскаго комитета, отчаянный демократъ, съ большими денежными средствами. Они-то, въ союзѣ съ нѣкоторыми тогдашними лейпцигскими литераторами извѣстнаго закала, издавали книги, брошюры, писали статьи. Тѣ изъ статей, подъ которыми выставлялись буквы J. В., принадлежали Бему.

Приведенными главными фактами оканчиваются воспоминанія генерала Брандта о польскихъ дѣлахъ 1831—1832 годовъ.

Т.